Русская Революция

и

Анархизм

(Доклады и Заключения 1906 г.)

Цена 15 центов

1922

Издание Ф. Г. А. К., С. Ш. и К.

Русская Революция
и
Анархизм

(ДОКЛАДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ 1906 ГОДА)

ЦЕНА 15 ЦЕНТОВ

1922.

Издание Ф. Г. А. К., С. Ш. и К.

В октябре 1906 года, перед тем как возобновить издание Листки »**ХЛЕБ и ВОЛЯ**«, несколько товарищей коммунистов-анархистов, собрались для обсуждения разных вопросов, выставленных опытом молодого анархическаго движения в России. Было прочтено, для этого, несколько Докладов, и приняты были Заключения.

И те и другия были напечатаны в »Листках«, а теперь печатаются отдельною брошюрою, как материал для товарищескаго обсуждения в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ С'ЕЗДА.

I.—Политическая и экономическая революция.

1—Наша цель — социальная революция, т. е. полное уничтожение Капитализма и Государства, и замена их Анархическим Коммунизмом. Эту конечную цель мы всегда должны иметь в виду, и ею мы должны руководиться в оценке совершающихся событий.

Характер революции, начавшейся в России, уже определился. Она происходит не в виде уличнаго бунта, ведущаго к созыву парламента, а в виде народной революции, которая продлится несколько лет, низвергнет старый порядок вообще и глубоко изменит **все экономическия отношения, вместе с политическим строем.**

В обоих этих направлениях мы и должны вести борьбу против стараго строя. Делить ее во времени на два периода: один для получения представительнаго правления, а другой — для получения экономических реформ, — мы считаем положительно невозможным. Мы утверждаем, наоборот, что народ только то и получит от революции, в области экономической, что он сам возьмет революционным путем. Самое »революционное« Учредительное Собрание будет только сделкою между старым порядком и новым, и сможет только утвердить на бумаге то, что народ сделает на деле.

Из этого, однако, отнюдь не следует, чтобы мы могли относиться безучастно к борьбе, ведущейся теперь против самодержавия. Мы боремся против Государства, но не в отвлеченной идее, а в тех формах, которыя оно принимает в жизни народов. Поэтому, мы боремся против него всегда и везде, и очевидно не можем не бороться против самаго худшаго его воплощения — самодержавия, которое представляет собою самую сильную и самую стойкую форму государства, — самый сильный оплот крупнаго землевладения и капитализма — самое ужасное орудие богатых и властных для доведения народа до нищеты и духовнаго рабства.

Чем сильнее — именно теперь — будет наша борьба против русскаго самодержавнаго государства, чем больше будет доля народа, а вместе с народом — и наша доля в ниспровержении теперешняго самовластья опричников, — тем слабее будет та новая форма государственнаго гнета, которая может создаться на развалинах самодержавия.

Если место самодержавия заступит всероссийский парламент, то чем сильнее выступят народныя массы в свержении самодержавия, и чем больше будет их участие в созидании новых, местных форм жизни страны, тем слабее будет власть буржуазии и помещиков в парламенте, и тем легче будет вести дальнейшую борьбу.

В Думе нам делать нечего: у нас есть своя работа. Но наша работа — вовсе не в том, чтобы бороться против сторонников Думы, которые борятся с самодержавием. Наше дело — в том, чтобы **проводить в народныя массы идею захвата народом всего того что нужно для жизни и производства** — земли, фабрик, заводов, железных дорог и т. д. — и бороться, вместе с народом, против мер, которыя законодатели захотят принять в интересах капитализма и государственной централизации.

Наше место всегда, везде — среди народа, вместе с народом, чтобы Русская Революция была шагом вперед сравнительно с революцией французской и американской.

II.—О грабеже и экспроприации.

На нашем с'езде мы тщательно обсуждали вопрос о так называемой »экспроприации«, личной и групповой, и собирались изложить наши мысли в виде докладов и заключений.

Мы хотели указать на необходимость удержать слово »експроприация« для такого насильственнаго **отчуждения** земли, фабрик, заводов, домов и т. д., которое производится целым обществом — сельским, городским и т. д. — в интересах всей деревни, города, области или народа; а не употреблять его для обозначения актов личнаго или группового **присвоения** средств, — хотя бы и в видах революционных.

Стремясь к экспроприации земли и всех средств производства русским народом, нам не следует, думали мы, заранее с'уживать смысл этой великой идеи — основе всего коммунистическаго миросозернация.

Мы хотели также указать на опасность, которая представилась бы для всякой революционной партии — тем более, во время революции — если бы захват денег, где попало, хотя бы и на строго революционныя дела, вошел в программу деятельности партии и через то получил бы широкое распространение. Признавая вполне все необходимости боевого времени, мы хотели показать, как умножение актов грабежа всегда деморализовало армии, допускавшия его, как средство жизни в неприятельской стране; и мы хотели напомнить, как во время Великой Французской революции дело дошло до того, что вокруг крайних революционных партий,

имѣвшихъ въ виду **общее благо**, развилось такое множество людей преслѣдовавшихъ цѣли **личной наживы**, — что общественное мнѣніе наконецъ не могло разбираться между тѣми и другими. Этимъ и воспользовались, конечно, — сперва умѣренныя, а потомъ реакціонныя партіи, чтобы поднять общественное мнѣніе трудящагося **народа** противъ крайнихъ революціонеровъ, и задушить ихъ, а съ ними — задушить и Революцію вообще.

Мы хотѣли изложить эти и другія соображенія.

Но за послѣднія двѣ-три недѣли, дѣла въ Россіи приняли опять новый оборотъ. Царское правительство ввело военно-полевые суды, и эти суды принялись безпощадно казнить всѣхъ революціонеровъ, обрушиваясь съ особою яростью, на тѣхъ, которыхъ захватываютъ на грабежѣ, или только подозрѣваютъ въ соучастіи.

Каждодневно, повсемѣстно идутъ казни, и въ тюрьмахъ вѣшаютъ безъ конца, даже юношей, безъ всякаго суда и разбора, утверждая, что вѣшаютъ за грабежъ. И каждый день геройски умираютъ революціонеры, отдавая свои молодыя жизни за дѣло освобожденія русскаго народа.

Спокойно разсуждать теперь, о томъ насколько целесообразно для революціи грабить государственныя и общественныя учрежденія, — нѣтъ никакой возможности. Когда правительство свирѣпо набрасывается и казнитъ безъ разбора за грабежъ, а само, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо, открыто организуетъ разбои, грабежъ и убійство на улицахъ черезъ черныя сотни; когда погромы и разграбленія евреевъ организуются даже въ министерствахъ съ одобренія петергофскаго дворца, а у убиваемыхъ черносотенцами нѣтъ даже оружія для самозащиты — въ такихъ условіяхъ разсужденія безсильны. Дѣйствуя такимъ образомъ, правительство, само толкаетъ всѣхъ на всеобщій грабежъ и заранѣе оправдываетъ всякое насиліе.

Все что мы можемъ сдѣлать, поэтому, это — напомнить товарищамъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ мы не должны упускать главныхъ, великихъ задачъ Революціи.

Понятно, что когда между чиновничествомъ, окружающимъ самодержавный престолъ, и русскимъ народомъ началась война на жизнь и смерть, и когда правители Россіи не останавливаются даже передъ такими средствами, какъ вѣшанье малолѣтнихъ безъ суда, какъ избіеніе женщинъ и дѣтей на улицахъ и организація грабежа и погромовъ гасударственными средствами, — при такихъ условіяхъ, о нравственныхъ началахъ трудно разсуждать.

Но, все-таки, главная, всемогущая, все-побѣждающая сила Революціи — не въ ея матеріальныхъ средствахъ. Матеріально, всякая революція слабѣе Государства, такъ какъ всякая революція дѣлается **меньшинствомъ**. Главная сила революціи — въ ея нравственномъ величіи, въ величіи преслѣдуемыхъ ею цѣлей для блага

всего народа, в сочувствии, которое она встречает в массах, во впечатлении, которое она производит на миллионы людей, — в ея обаянии. А эта сила всецело зависит от начал, проводимых ею в жизнь.

Без этой нравственной силы, никакая революция никогда не была бы возможна. Ее — мы и должны беречь больше всего, — каковы бы ни были минутныя условия борьбы.

А сохранить эту нравственную силу Революции мы можем только тогда, если будем помнить, всегда и везде, как это и делают повсеместно русские крестьяне, что цель революции — не переход богатств из одних частных рук в другия, — а переход их из частных рук **в руки общества, массы народа.**

К этой высокой общественной цели и должны мы стремиться прежде всего, помня, что достичь ея нельзя в одиночку; что для этого нужно **совместное действие масс народа;** и что поэтому нужно строго беречь **нравственный облик, с которым русский революционер до сих пор всегда являлся перед русским народом.**

III.—Об актах личнаго и коллективнаго протеста.

В нашей литературе неоднократно указывалось на неизбежность тех актов индивидуальнаго или коллективнаго протеста против опор современнаго общественнаго строя, которые носят название террора. В не революционное время они служат часто признаком общественнаго пробуждения и поднимают дух независимости в массе. Они подают пример личнаго геройства на служение общественному делу и тем самым будят равнодушное большинство; вместе с тем они подрывают веру в могущество политических и экономических угнетателей. В революционную же эпоху они становятся общим явлением, и не одне только исключительно героическия личности отвечают вооруженным отпором на давящий их гнет. В такое время не нужно даже быть принципиальным революционером, чтобы сочувствовать этого рода актам. Но, признавая это общее положение, необходимо однако помнить, что значение каждаго террористическаго акта измеряется его результатами и производимым им впечатлением.

Это соображение может служить мерилом того какого рода акты содействуют революции, и какие могут оказаться напрасной тратой жизней и сил. Первое условие, которое ставит жизнь, это — чтобы данный террористический акт был понятен всякому без длинных об'яснений и сложной мотивировки. Есть личности, настолько известныя своею деятельностью все равно, в целой ли стране или среди населения данной местности, что при известии о нападении на них каждому тотчас же, без помощи революцион-

ных изданий, вспоминается их прошлое, и террористический акт представляется совершенно ясным. Если же для понимания даннаго акта, человеку из массы, не революционеру, приходится проделать целую головоломную работу, то влияние его сводится на нуль, или даже оказывается отрицательным; акт протеста превращается тогда в глазах массы в непонятное убийство.

Деление террора на политический и экономический, на центральный или »разлитой«, мы находим совершенно искуственным. Мы боремся одинаково с экономическим и политическим гнетом, с гнетом центральнаго правительства, как и с гнетом местной власти.

Есть в вопросе о терроре другая сторона — организационная. Мы считаем, что террористический акт есть дело решимости отдельной личности или кружка помогающих ей товарищей; поэтому централизованный террор, в котором действующая личность играет роль исполнителя чужих решений, противен нашим понятиям. Как мы не считаем возможным удерживать товарищей от революционных актов во имя партийной дисциплины, так точно мы не считаем возможным и приглашать их отдать свою жизнь в деле, которое решено и предпринято не ими.

Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующаго порядка, а видим в нем только проявление совершенно естественнаго чувства возмущенной совести, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитационное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди народа.

IV.—Вопрос об организации.

Русские коммунисты-анархисты, отрицая, подобно их западноевропейским товарищам, всякия формы иерархической (лестничной) организации, свойственныя партиям социалистов государственников, стремятся осуществить в своей среде другой тип организации на основе свободнаго соглашения независимых групп между собою.

Необходимым условием прочности и успешности такого рода организации является тесная связь всех членов внутри каждой отдельной группы, а потому полезнее иметь в городах и больших селениях несколько меньших групп, об'единенных в федерации, чем одну большую группу.

Даже в тех случаях, когда отдельныя группы берут на себя какия нибудь специальныя обязанности, оне ни в каком случае

не становятся комитетами, так как их решения не обязательны для других групп, если оне с ними несогласны.

Связь между отдельными группами лучше всего достигается не через посредство постоянных комитетов заранее выбираемых для управления всеми разнообразными делами федерации. Такие комитеты всегда стремятся стать, и очень скоро становятся, как и всякое правительство, тормазом дальнейшаго развития.

Гораздо лучшая связь между группами, как доказано опытом, может быть достигнута путем особых совещаний, созываемых группами периодически в известные промежутки времени, или же по каждому данному вопросу, выдвигаемому самой жизнью, — причем такия совещания составляются из товарищей, посылаемых своими группами **ради данной специальной цели**, и их постановления не обязательны для групп, а могут быть приняты или отвергнуты ими.

Этот способ организации лучше предохраняет от расколов в партии, чем обыкновенный способ иерархических организаций, и многолетний опыт доказал, что вопреки господствующему мнению, — между многочисленными свободными анархическими группами легче достигается соглашение и единство в действиях. Несмотря на отсутствие партийной дисциплины и принуждения, различие мнений по частным вопросам не мешает соглашению на практической деятельности, — причем среди анархистов удерживается самая драгоценная черта в революционные периоды — именно способность личнаго почина.

Между тем, в организациях лестничных, покоряющихся центральной власти, соглашение бывает только кажущееся, и »дисциплина« покупается многолетними внутренними разногласиями, при которых несогласныя фракции парализуют деятельность друг-друга, и то что давно отжило свое время и должно было-бы уже исчезнуть, искуственно поддерживается дисциплиной и мертвит партию.

V.—О рабочих союзах.

В России, как и везде, среди анархистов возникает вопрос, нужно ли нам принимать живое участие в рабочих организациях. Вопрос этот, как показал опыт Западной Европы, заслуживает самаго серьезнаго внимания.

Среди рабочих всего мира идет в настоящее время глубокое движение, имеющее целью создать громадную организацию, охватывающую все классы рабочих и организованную интернационально, вне всяких политических партий. Другими словами, рабочие стремятся возродить Интернационал шестидесятых годов в той форме, в какой он существовал до тех пор пока интриги немецких

социальдемократов, желавших обратить Интернационал в политическую партию, не парализовали могучую рабочую организацию.

Рабочие понимают, что при наступлении революции, им придется сыграть главную роль, и что они, одни, в силах будут придать ей характер революции социальной. Они понимают также, что могучие профессиональные союзы, охватывающие международно всех рабочих данной отрасли труда, представляют, вместе с тем, кадры, из которых начнет вырабатываться будущий строй.

Социальдемократы смотрят на рабочие союзы, как на **подспорье** политической борьбе; анархисты же смотрят на них как на **естественные органы прямой борьбы с капиталом и для склада будущаго строя** — органы **необходимые** сами по себе, для своих, рабочих целей. В этом отношении, в Западной Европе, анархисты достигли уже значительных успехов. Не менее успешна также наша пропаганда всеобщей стачки, которая быстро распространяется среди рабочих союзов в Европе, в Америке и даже в Австралии*).

Значение всеобщей стачки для России мы все могли оценить в прошлом Октябре, когда даже неверующие должны были убедиться в ея революционном могуществе. Но еще нужнее окажутся рабочие союзы в ближайшем будущем. С созывом Думы, многия революционныя силы отвлекутся на созидание буржуазнаго строя, и рабочим союзам придется выступать, все более и более, как силе социалистической или коммунистической, полагаясь лишь на самих себя.

В виду этого мы думаем, что мы обязаны принимать деятельное участие в жизни рабочих союзов, — не давать их эксплуатировать политическим партиям и вносить в них революционную мысль вообще, стремясь создать из них ту силу, которая могла бы приступить к планомерной массовой экспроприации.

В практике перед нами возникает вопрос, — вступать ли анархистам в рабочие союзы, уже существующие — или же стремиться создавать новые союзы на анархических началах?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, мы хотели бы проверить наши соображения результатами работы местных людей в России. Мы думаем, однако, что везде где окажется возможность, анархистам следовало бы создавать новые рабочие, анархические союзы, которые могли бы вступать в федеративныя отношения с другими союзами той же отрасли труда. Там же, где существуют

*) Если она не была начата во Франции прошлаго 1-го мая, то этому помешало тревожное состояние Европы. Французские рабочие чувствовали, что с минуты на минуту могла вспыхнуть война Франции и Германии, на которую Францию толкала Англия.

союзы беспартийнаго характера, там, анархистам следовало бы вступать в них.

VI.—Всеобщая стачка.

В настоящее время мы можем смело сказать, что всеобщая стачка, на которую нашими западно-европейскими товарищами неустано указывалось за последние годы, как на средство правильно поставить начинающуюся революцию, действительно оказалась могучим орудием борьбы, и что в такие моменты как переживаемый ныне Россиею, она может происходить с единодушием и всеобщностью, которыя прежде не считались возможными.

Мы думаем поэтому, что всеобщая стачка и впредь должна считаться нами могучим средством борьбы.

Принимая однако во внимание опыт прошлой зимы, мы должны помнить, что всеобщая стачка не есть средство, к которому можно прибегать по воле центральных комитетов, и которую можно вызвать во всякое время простым постановлением большинства рабочих делегатов. Не говоря уже о том что всеобщая стачка сопряжена для рабочих масс с невыразимыми лишениями и страданиями, и уже по этому одному, рабочие могут прибегать к ней только через долгие промежутки времени, — вообще забастовка только тогда может быть успешна, когда она вытекает из желания громаднаго большинства рабочей массы. Если, вообще говоря, решение вопросов небольшим большинством представителей есть плохое средство, то в данном случае оно совершенно неприложимо, и всякая попытка навязать рабочим всеобщую стачку в путях борьбы с самодержавием может повести только к жестоким потерям, поражению и разочарованию, — если потребность во всеобщей забастовке не сознается в известную минуту значительною массою рабочих.

Прибавим еще, что хотя всеобщая забастовка и оказывается хорошим средством борьбы, она не избавляет прибегнувший к ней народ от необходимости вооруженной борьбы с господствующим строем.

Еще раз подтверждая всю важность всеобщей стачки, мы указываем, вместе с тем, на необходимость, одновременно не упускать из вида обязательно-необходимой подготовительной работы, — в среде крестьян и рабочих, в виду немедленнаго использования первых же результатов побед, одержанных путем всеобщей стачки, с тем чтобы не дожидаясь дальнейшаго развития событий, немедленно приступать к экспроприации земли, орудий производства и средств потребления, хотя бы в отдельных местностях и городах, где это представится возможным.

ДОКЛАДЫ.

I.

РЕВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

П. Кропоткина.

В № 14-ом **Хлеб и Воля** были напечатаны решения небольшого с'езда, состоявшагося в декабре 1904-го года, на котором несколько товарищей, анархистов-коммунистов, высказали свои мнения относительно необходимости образования анархической партии в России и вкратце указали основныя начала, на которых партия могла бы сформироваться.

С тех пор, в России произошел целый ряд крупных событий, которыя уже в корень переродили всю жизнь страны и глубоко отзовутся на всей ея дальнейшей истории. Революция разлилась широкою волною по всей России, Сибири, Польше, Кавказу и т. д., и мы имеем перед собою почти двух-годовой опыт революционной жизни. А потому, возобновляя теперь наше временно приостановленное издание и приступая к изданию **Листков »Хлеб и Воля«**, мы сочли нужным собраться в числе нескольких товарищей и тщательно обсудить, что дал нам опыт этих лет.

Прежде всего мы отмечаем, что мы не ошиблись тогда в нашем основном положении. Переход от самодержавия к какой нибудь форме представительнаго правления, к которому вело все развитие Европы в девятнадцатом веке, и о котором заговорила тогда Россия, не совершился у нас тем путем, каким подобный переход совершился в 1848-м году в германских государствах, и как того ожидали теоретики, воспитанные на немецкой социаль-демократической литературе. Он идет у нас тем путем, каким шел в Англии, в 1648—1688 годах, и во Франции в 1789—1794, — т. е. **путем народной революции, продолжающейся несколько лет и глубоко изменяющей существующия отношения, политическия и экономическия, — революции, низвергающей Старый Порядок и водворяющей Новый.**

Требования, выставленныя народными массами в России, оказались гораздо шире тех, которыми довольствовались Берлинские рабочие в 1848-м году. Русские городские рабочие уже выставили широкия экономическия требования и еще не сказали в

этом отношении своего последняго слова; а крестьяне заявили свое право, не только на те земли, которыя были отняты у них в 1861-м году во время освобождения от крепостной зависимости, но и на все земли, отнятыя раньше у народа, боярами и вельможами, путем захвата или царских законов.

Програмы, которыми хотели заранее ограничить рускую революцию, полетели, таким образом, как карточные домики, едва народ начал выступать на борьбу.

Кроме того, самыми могучими силами в руской революции оказались городские рабочие и крестьяне. Они сразу опередили революционеров из имущих класов. Если самодержавие пошло уже на уступки, то вынудили эти уступки такия **массовыя** события, как манифестация 9-го января 1905-го года, почти всеобщия стачки в мае того же года в Польше, всеобщая забастовка в октябре, повсеместныя волнения в городах, и наконец широко разлившияся крестьянския возстания, начавшияся с осени 1904-го года и продолжающияся по сию пору; причем очевидно, что глубоко возмущенныя крестьянския массы не успокоятся, пока не будет признано их право на все вышеупомянутыя земли.

Благодаря этому, дело руской революции сразу поставлено так, что переворот, у нас, не может ограничиться одним изменением формы правления и заменой Петергофской дворни представительною Думою. **Переворот совершается у нас, экономический, вместе с политическим. И совершается экономическая ломка — не через новыя представительныя учреждения,** — как того желали и требовали наши буржуазно-демократическия партии, **а самим возстающим народом.**

Сама жизнь доказала, таким образом, что мы были правы, когда заявляли, два года тому назад, что не признаем возможным делить борьбу на два последовательных периода: один, для политическаго переворота, а другой — для экономических реформ, которыя будтобы совершит руский парламент. Вместе со всем руским народом мы боремся против самодержавия; но мы обязаны, вместе с тем работать, чтобы **расширить борьбу и направить ее одновременно против капитала и против государства.**

Мало того. Мы утверждаем, что только то и будет достигнуто для улучшения материальной жизни крестьян и рабочих — только то и положит конец голодовкам в России и вымиранию миллионов рускаго народа, — только то даст народу возможность двигаться дальше на пути к полному освобождению, — **чего крестьяне и рабочие добьются сами, революционным путем.** Волю цари не дарят; парламенты ее также не дают: ее надо брать самим.

Уговаривать, по этому, рабочих, чтобы они на время отложили свои экономическия требования, и уверять их, что они

всего этого лучше достигнут через Думу, — или же уверять крестьян, что надо бунтовать, чтобы получить Учредительное Собрание, а оно уже даст им землю и волю, — **в наших глазах преступно.** Люди, проповедующие такую тактику, должны были-бы знать, что никогда, нигде, никакой парламент, даже во время революции, **не брал и не мог взять на себя совершение серьезных экономических преобразований законодательным путем.**

Всякий Парламент, всякая Дума, всякое Учредительное Собрание **по существу своему,** есть сделка между партиями будущаго и партиями прошлаго. А потому, он не может принять никакой **революционной меры.** Самый революционный парламент может только утвердить, узаконить то, что уже будет совершено народом. Самое большее что он может сделать, это — распространить (на бумаге, по крайней мере) на всю страну то, что сделано уже в значительной части страны. Но и то бывает только под давлением извне, и такое распространение тогда только и переходит в жизнь когда **на местах, на деле,** народ совершает переворот*).

Мы прекрасно знаем, что даже при указанных сейчас благоприятных условиях, совершающийся в России переворот все-таки не будет социальной революцией. Но он может быть шагом, облегчающим затем успех социальной революции, **если улучшение материальнаго и правового положения крестьян и рабочих будет достигнуто революционным путем, а не путем законодательных полу-мер.**

Если русская революция действительно примет такой характер, — а от нас самих многое зависит в этом отношении — в

---

*) Самый революционный парламент в истории был Конвент, избранный во Франции, в сентябре 1792 года, тотчас после того, как народ Парижа взял королевский дворец и засадил короля в тюрьму. Этот Конвент признал, в июне и в июле 1793 года, уничтожение, без выкупа, всех крепостных (феодальных) прав, и возврат сельским общинам земель, отнятых у них помещиками за предыдущие 225 лет, — после того как крестьяне совершили уже и то и другое на деле, в большей половине Франции. Но — чтобы добиться этих двух законов от Конвента, революционной части Конвента пришлось, 31 мая 1793 года, **поднять Парижский народ против Конвента и, при помощи Парижской Коммуны, заарестовать другую часть Конвента, т. е. 214 членов,** из которых 34 были об'явлены вне закона и казнены, а 180 засажены в тюрьму. И это — для того чтобы провести такое явно справедливое решение, которое в части Франции крестьяне уже сами провели и совершили.

таком случае в России не создастся той крепкой и сильной власти феодально-буржуазнаго государства, которая создалась в семнадцатом веке в Англии и в 1848-м году в Германии, и которая затормозила на долгие годы дальнейшее освобождение рабочих и крестьян.

Если русские крестьяне завоюют себе землю, а также личную и общинную свободу, если они утвердят право на землю для всех тех, кто хочет возделывать ее своими руками, и заставят Думу признать этот совершившийся факт; если русские рабочие, теперь же, во время начавшейся революции, завоюют условия, дающия им возможность обще-человеческаго развития, не только уменьшая рабочий день, но и утвердивши свое право и возможность, самим, непосредственно заведывать промышленностью, — если они осуществят только это, а осуществить при теперешнем положении они могли бы и больше, — тогда, какая бы форма представительнаго правления ни народилась в России, она уже не приобретет той власти, которую приобрел Наполеон I после Революции, или же Бисмарк после уличнаго бунта в Берлине, побудившаго прусскаго короля созвать Парламент. Тогда русский Парламент уже не будет могучим оплотом буржуазии. В худшем случае он будет только мертворожденным учреждением переходнаго периода*).

* * *

Опыт последних двух лет еще более убеждает нас в том, что нашу конечную цель, т. е. разрушение капитализма и его вернаго слуги, государства, и замену их вольным коммунизмом, — мы постоянно должны иметь в виду, как бы ни были далеко их конечное осуществление. Она одна дает нам верную меру для оценки всех совершающихся событий и наших собственных действий во время революции.

Но мы поступили бы безумно, если бы мы ограничили свою борьбу исключительно экономическою программою, оставшись безучастными в совершающейся теперь политической борьбе против самодержавия. Самодержавие — одна из самых вредных форм

---

*) Вспомним, что во Франции, во время Великой Революции, несмотря на невероятное истощение, в которое повергли ее войны, об'явленныя ей всеми монархиями (в революционных войнах погибло более миллиона самых отважных людей), — несмотря на отчаянную реакцию, ставшую возможной в силу такого истощения, — феодально-буржуазныя правительства Бурбонов и Орлеанов не могли продержаться более 15—18 лет. Революции повторялись каждые 15—18 лет Франция пережила уже одну социалистическую революцию (1848) и одну коммуналистическую (1871).

государственности, хотя бы уже потому, что она дает государству такия страшныя силы, что борьба против нея требует неимоверных усилий и жертв, — у нас в России, она ведется уже полстолетия, если не больше. Ею держалось крепостное рабство, ею доведена крестьянская Россия до ея ужаснаго, нищенскаго состояния, и ею она держится в этом состоянии; ею поддерживается рабство и экономическая приниженность везде, в Европе. Самодержавная Россия была жандармом Европы против народных революции 1848-го года. Она помогала, больше чем кто либо, задушить социализм 1848-го года, и она же, вместе с Англией, стояла во главе коалиции против революционной Франции 1793-го года.

Поэтому, признавая идеалом будущаго безгосударственный строй, мы, тем не менее не можем оставаться вне реальной жизни, в ожидании пришествия новаго строя. Мы боремся не с отвлеченным понятием о государстве, а с государствами живыми и угнетающими народы. Оттого наши товарищи в западной Европе и Америке, — зная, что какую бы личину ни принимала государственная власть, она всегда является защитником интересов земельных, промышленных, торговых и биржевых эксплуататоров, — находятся с нею в постоянной борьбе, какую бы форму она ни принимала.

Тем больше обязательно нам бороться против государственной власти в России, где, благодаря целому ряду исторических условий, самодержавие является не только врагом всякой личной свободы человека, но и созидателем и охранителем самых ужасных форм эксплуатации народнаго труда, и вместе с тем формою, навязанною русскому народу извне.

Вообще, историческая жизнь идет не по клеточкам, на которыя разграфили ее всякие теоретики. И если политическая форма, которая заступит в России место самодержавия, будет та или другая форма представительнаго правления, — из этого вовсе еще не следует, чтобы русския представительныя учреждения непременно должны были быть сколком с прусскаго или немецкаго имперскаго парламента. Если русскому народу удастся теперь же подрезать крылья капитализму и земельной аристократии, то он этим самым уже подрежет крылья и государственной власти. Он сделает феодально-буржуазный парламент, на немецкий манер, невозможным; но он сделает невозможной и централизованную республику, на манер французской. А если народному возстанию в России удастся подрезать власть центральнаго правительства, и отвоевать у него многое из того, что в западной Европе считается достоянием министерских чиновников; если русский народ отвоюет себе широкия права экономическия и политическия в общине, в сельском обществе, в волости и в области; если народ

возьмет сам **в свои руки** заведывание хозяйством, продовольствием, образованием, путями сообщения, рудниками и т. д. — отнявши все эти области у петербургских чиновников, — то и русское государство, каким оно сложится после революции, получит совершенно другой характер, чем оно получило после революции в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах. И, в силу этого, русскому народу будет облегчена дальнейшая борьба с капитализмом.

Вообще, наши теоретики социалисты слишком поторопились решить, что Россия непременно должна пройти через период точь в точь такого же парламента, какой получили немцы. Германия еще не переживала революции. Ея конституции — октроированныя, т. е. дарованныя королями, напуганными французской революцией 1848 года; оне — **не плод революции.**

Мы можем, поэтому, смело утверждать, что от степени энергии, которую проявят в теперешней революции крайния противугосударственныя партии, — будет зависеть большая или меньшая сила государственной власти, т. е. чиновничества, в России, а также большая или меньшая подчиненность личности и большая или меньшая политическая свобода, которую завоюет Россия. А вместе с тем и прочность владычества буржуазии.

Если анархисты и сродные им элементы предоставят все дело политическаго переворота в руки буржуазных якобинцев и их естественных союзников — социаль-демократов, мечтающих о диктатуре своей партии, — то они изменят народному делу, и их бездействие отзовется на весь дальнейший ход истории. Анархическое понимание политических отношений настолько сродно русской жизни, а государственная, т. е. чиновничья централизация настолько чужда и противна русской жизни и русскому складу ума, что в **этом отношении нам предстоит громадная работа,** лишь бы среди анархистов нашлись и около них сгруппировались люди, понимающие всю важность этой работы — именно в настоящую минуту, когда централизаторы и чиновники всех лагерей хотят утвердить свою власть на развалинах власти, теряемой гнилым самодержавным строем.

В Думе нам делать нечего. В лагерь правящих мы не пойдем. Давать наши силы на дело созидания государственной силы мы не станем. У нас есть своя работа. Но мы изменили бы своей программе, если бы, на том основании, что Дума не есть анархическая форма политических отношений, мы отошли в сторону и перестали интересоваться ея действиями. Напротив того, и до созыва Думы и после, мы обязаны раз'яснять еще неясныя может-быть требования и желания самостоятельности среди народа, упорно отстаивать их, проводить их в жизнь, требовать их признания от

желающих идти в Думу и, как бы думцы ни вздумали решать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на следующем:

Земля — вся земля — народу, тем кто сам обрабатывает ее. **Не в личное владение, как это сделали буржуазные парламенты французской революции — а в общинное.** И передача дела распределения земли не в руки Министерства Государственных Имуществ, хотя бы и социальдемократическаго, а самих общин и союзов общин.

Фабрики, заводы, угольныя копи, железныя дороги — не Министерству Труда, а самим рабочим, которые на них работают, с'организованным в вольные союзы.

Почту и почтовыя сообщения — не Почтовому Директору, а тем, которые в данное время совершают реально, на деле, всю почтовую работу на местах.

Образование народа — не Боголеповым, одетым в новые мундиры — а самому народу, самим крестьянам и рабочим, самим жителям, организующимся для этого в Образовательные союзы.

И так — во всех вопросах. По каждому из них мы должны стоят с **народом,** и об руку с ним бороться против централизаторских якобинских стремлений буржуазии и социаль-теоретиков.

И чем сильнее выступим мы на защиту наших начал в **каждом практическом вопросе,** — именно теперь, в эту пору всеобщей ломки, — тем больше сделаем мы для дальнейшаго развития Анархизма. Революция открывает нам возможность выступить из области теории в практическую агитацию. Постыдно было бы уклониться от этой обязанности.

Еще несколько слов.

Присматриваясь к тому, что до сих пор делали в России анархисты, мы должны признать, что нашими товарищами едва ли была понята вся важность предстоящей нам задачи.

Много личнаго геройства было проявлено за эти два года. Но все оно проявлялось так, как будто мы думали, что стоит только отдельным лицам смело об'явить войну старому порядку, совершить несколько актов террора и отнятия денег у богатых, чтобы народ восстал, свергнул немедленно старый строй и приступил к коммунистической экспроприации богатств. Дело революции, однако, не так просто. Без народа, без массы не может быть революции. Но массы, — если геройские акты и заставляют их задумываться — все-таки не поднимаются, если внутри их не сделано серьезной, предварительной агитационной работы.

Вообще, анархистам, в русской революции предстоит работа, гораздо более серьезная, — смело скажем более великая, чем работа одиноких аванпостов, завязывающих перестрелку. **Мы**

должны стать революционной силой, народной силой, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые пути в революционной перестройке всей русской жизни.

Нам предстоит, не только совершить несколько подвигов личнаго геройства. Нам предстоит, вместе с массою русскаго народа найти то, чего не нашли еще анархисты 1793-го года*) — а именно, найти новые пути, создать новыя формы народнаго политическаго союза, которыя положили бы начала вольной, безгосударственной, федеративной жизни.

Франция, в своей революции, выступила на путь экономическаго уравнения. Соединенные Штаты, в революции 1773 года, указали путь федерализма. России предстоит теперь совершить туже революцию и проложить при этом новые пути, — экономическаго федерализма, соединеннаго с обезпечением свободы личности.

И что бы ни вышло из Русской Революции, зачатки такого новаго развития должны быть положены в ней. Но положить их, лежит на нас, анархистах. Иначе мы окажемся ниже требований, поставленных нам историею, ниже задач, поставленных самою нашею партиею. А чтобы выполнить эту задачу, мы должны выйти из нашей изолированности, понять нашу великую историческую миссию, и всегда, везде, мы должны быть с народом, среди народа.

---

*) »Анархисты« было ходячее слово в 1793 году. Так называли крайния партии, которыя на деле совершали революцию в пользу бедных, на местах, преимущественно через посредство местных Народных Обществ.

II.

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ.

М. Корн.

В виду того, что на с'езде по этому вопросу было прочитано два доклада, то мы печатаем также и доклад тов. Корн. Ред.

Кому из нас не приходилось задумываться над »роковой задачей« отношения теперешняго русскаго революционнаго движения к нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился над вопросом о том, каково в происходящей борьбе положение социалиста; каково, в особенности, положение анархиста? Трудный и сложный вопрос »политики« и »экономики« стал перед нами с самаго начала нашей деятельности в России. Борьба, идущая у нас, — и экономическая, и политическая; но, если оставить в стороне крестьянство, среди котораго нашим товарищам до сих пор работать почти не приходилось, то во всех остальных классах общества экономическая борьба отступает на задний план перед политической задачей свержения самодержавия.

Этой политической задаче служат даже такия по существу экономическия движения, как рабочия стачки. На знамени же политическаго движения написаны конституция, учредительное собрание, республика и прочие лозунги, для анархиста положительной цены не имеющие. Бороться с самодержавием — прекрасно; но не значит ли это бороться вместе с тем за идеал »правового государства«, идеал лишенный для нас всякаго обаяния? Как выйти из этого противоречиваго положения?

Вот вопрос, который всегда ставили себе наши товарищи, и не находили на него такого ответа, который удовлетворил бы их потребность последовательной мысли и их потребность в активной борьбе.

Видя, как все силы массового рабочаго движения уходят на чисто-политическия манифестации, как, в области экономической, самыя крупныя рабочия стачки не идут дальше требования ничтожных улучшений, как отодвигается на задний план социалистическая идея в деятельности крайних партий, наши товарищи

прежде всего стали пытаться противодействовать такому понижению роли и размаха совершающейся революции. Но не впали ли они, по крайней мере в теории, в некоторую, противоположную, крайность, ставя **всякое** экономическое движение выше **всякаго** политическаго? Если мы оглянемся на содержание нашей пропаганды в России, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиционное отношение к другим партиям, упустили из виду ту безспорную, хотя, может быть, для некоторых и кажущуюся парадоксом истину, что анархисты, в сущности, — наиболее »политики« из всех социалистов, так как для них освобождение личности от государственнаго ига играет не меньшую роль, чем ея освобождение от гнета экономическаго. Почему мы не миримся с идеалом социальдемократическаго государства, которое, во всяком случае, поднять уровень **экономическаго** благосостояния может? Именно потому, что мы — не чистые экономисты. Повсюду в западной Европе и Америке анархисты боролись с обеими формами угнетения: с капитализмом и государством. Рядом с революционными стачками и актами »экономическаго« террора, мы находим в их деятельности такие яркие акты политическаго протеста, как убийство итальянскаго короля или испанскаго министра Кановаса. И никто, конечно, не скажет, что Анжиолилло или Брешп были либералами и отдали свою жизнь ради достижения испанской или итальянской республики. Грядущая социальная революция — в представлении именно анархистов — не будет революцией чисто экономической: она начнет с экономическаго акта, с экспроприации, но, вместе с частною собственностью, уничтожит и государство. Вот почему не нужно впадать в односторонность по отношению к происходящей политической революционной борьбе: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй заменился строем конституционным, а для того, чтобы рядом протестов против **наличной** государственной формы, против **наличнаго** гнета сделать возможным возстание против **всякаго** гнета. Расширять эту борьбу до таких пределов, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока в России культу закона и легальности — дело анархистов. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущаго парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведут в России; но это — не самая трудная часть. Это — начало, а затем ведь нужно показать, к какой освободительной борьбе **мы** призываем, и притом призываем сейчас; какова намеченная **нами** цель и каков наш план действий по пути к ней.

Упустить это из виду, сосредоточиться только на критической стороне задачи — в высшей степени опасно: можно вызвать разочарование в поставленных целях и принятых способах борь-

бы, не дав взамен их новых, и вместо того чтобы поднять революционный дух, вызвать, наоборот, упадок его.

Нужно сказать, что в этом отношении работа наших товарищей в России страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится целиком продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. Положительная часть нашей программы для России до сих пор была разработана мало. Имеющаяся у нас литература носит почти исключительно теоретический характер и имеет целью ознакомление с основными идеями и целями анархизма. О практических путях и средствах борьбы в ней говорится, в виду этого, лишь в очень общей форме: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практических выводов из известной принципиальной точки зрения. Наши западноевропейские товарищи в этом отношении находятся в лучших условиях: современное рабочее движение вызвало (особенно во Франции и в Испании) целую литературу о всеобщей стачке, разсматриваемой как начало социальной революции, и анархисты располагают для своей пропаганды целым рядом данных — брошюр, газетных статей, докладов на с'ездах — в которых разбираются те меры, которыя предстоит принять рабочим в момент когда удачное революционное движение сделает их господами положения.

Было бы в высшей степени важно, если бы наши товарищи в России подумали о выработке такого рода практических программ, в соответствии с особенностями положения и момента, и чтобы при новом взрыве массового движения они не оказались лишь участниками — может быть, более решительными, более непримиримыми — борьбы вдохновляемой не их лозунгами, а могли бы внести в это движение и свою собственную мысль.

— —

Мысль, что анархисты — лишь провозвестники будущаго, время котораго еще не пришло, апостолы далекаго от осуществления идеала — мысль очень распространенная среди людей »сочувствующих« анархизму. С кличкой мечтателей и утопистов мы всегда легко мирились и она нас нисколько не задевает. Но что серьезно глубоко-трагично по существу, это — следы той же мысли у самих наших борцов.

Кому из нас не случалось слышать, как с болью, чуть не со слезами на глазах, говорится при вести о новых потерях, о новых казнях: »Еще и еще раз погибли лучшие товарищи, и все какия ценныя молодыя жизни, какие чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребает жар одна только либеральная буржуазия! Если бы они погибали хоть для нашего

идеала, если бы они хоть могли видеть, за что отдают свою жизнь!« И нужно заметить, что ни одного не остановило это, ни один не пожалел себя; везде и всегда анархисты оказывались там, где всего сильнее кипит борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечемся от привычных, шаблонных, принятых мнений и спросим себя: действительно ли русская революция должна привести всего на всего к господству либеральной буржуазии? Действительно ли мы переходим, согласно известной исторической теории, в ту самую стадию общественнаго развития, в которую сто лет тому назад перешла Франция?

Если стоять на фаталистической точке зрения ортодоксальнаго марксизма, то, конечно, надо ответить утвердительно; но если мы от этой точки зрения отрешимся и постараемся рассуждать вне ея, то что мы увидим? Русская революция совершается в момент, когда во всем человечестве идет движение под знаменем социализма.

Впродолжении всего XIX века вырабатывалась, на почве разочарования в экономических результатах французской революции, социалистическая идея. Она родилась в рабочих массах западной Европы, а оттуда перешла в Россию, сначала в передовую интеллигенцию, затем, по мере изменения общих экономических и культурных условий, и в рабочия массы.

В настоящее время русский рабочий стоит на уровне западно-европейскаго, и ни в своей жизни, ни в своих идеалах не воспроизводит того, чем был француз XVIII века, как и социализм русских социалистов не имеет ничего общаго с идейными веяниями современников Великой Революции. Россия не была отделена китайской стеной от остального мира; она развивалась с ним вместе и не может, поэтому, повторять, повинуясь исторической схеме то, что происходило в других странах 100 или даже 50 лет тому назад. Раз социализм встал, как цель, перед всем человечеством, Россия, как участница общаго движения, не может сознательно отвернуться от него, не может остаться вне хода современной истории.

В России ставятся те же вопросы; те же, как и повсюду, задачи ея движения. А раз задача поставлена — значит она осуществима; раз была возможность, была почва для ея постановки, то, значит, есть возможность и для ея проведения в жизнь.

Но это проведение в жизнь требует усилий людей; оно возможно, осуществимо в той мере, в какой эти усилия приложены; оно — не мечта, в той мере в какой сами деятели не считают его мечтою. Учесть шансы того или другого течения в революционное время ускореннаго темпа жизни — более чем трудно, и лучше ошибиться в сторону переоценки своих сил, чем наоборот.

Излишней смелости мысли и дела быть не может, а недостаток их может быть очень вреден. Предоставим самой жизни урезать то, что окажется преждевременным или неприложимым; она всегда сделает это, более чем в достаточной мере. Наше дело — стремиться к достижению как можно более широко-поставленных целей, к достижению нашего идеала **во всей его полноте,** а степень проведеннаго в жизнь будет соответствовать степени энергии нашей работы и нашей веры в победу. И как бы много разочарований ни встречало нас на пути, будем помнить великия слова Лаврова: »Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным!«

III.

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСКИМ И РАБОЧИМ СОЮЗАМ.

П. Кропоткина.

Среди рабочих всего мира происходит в настоящее время глубокое движение, с целью об'единить рабочих различных ремесл в обширные профессиональные союзы, и положить основы обширных международных организаций, охватывающих, как отдельныя отрасли труда (углекопов, ткачей, нагрузчиков в доках и т. д.), так и национальныя федерации рабочих — **вне существующих политических партий, в том числе и социальдемократической.**

Стремление возстановить Международный Союз Рабочих, ведущий **прямую**, непосредственную борьбу труда против капитала — не через Парламент, а непосредственно, всеми доступными рабочим, и одним рабочим, средствами, проявляется в настоящую минуту с новою, поразительною силою.

Рабочие Западной Европы и Америки начинают замечать, что социальная революция, которой они ждали в конце 60-х годов и ради которой они основали Интернационал, отдаляется все более и более, по мере того, как дело борьбы Труда с Капиталом переходит в руки политических партий, которых и теория, и практика ведут только к уничтожению революционной энергии пролетариев и, сохраняя имя »классовой борьбы«, только приучают рабочих мириться с эксплуатацией капиталистами.

Рабочие Западной Европы понимают, кроме того, что при первой попытке установления будущаго строя, — будь то в деревнях, среди крестьян, или в отдельном городе, или в области, об'явивших коммуну, — дело организации коммунистической жизни и производства на общих началах непременно выпадет на долю рабочих союзов, которые одни могут взять на себя громадное дело перестройки промышленности в интересах всего общества.

Вследствие этого, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах Америки усиливается с каждым годом движение, так называемое **синдикальное**, которое состоит в том, что рабочие сплачиваются между собою в профессиональные союзы, с целью

прямой борьбы, прямого воздействия (*action directe*) против капитализма и капиталистов.

Понимая всю важность такого движения, часть наших западно-европейских товарищей анархистов посвятили себя вполне, за последние 10—15 лет этой организационной работе, и в настоящее время анархисты настолько заслужили доверие об'единенных в синдикаты товарищей рабочих, что в латинских странах — Франции, Испании, Французской Швейцарии и отчасти в Италии — они являются уже серьезной революционной силой среди рабочих союзов.*)

В то время, как социальдемократы смотрят на рабочия профессиональныя организации как на подспорье для политической борьбы, которую они ведут в парламентах **за власть**, анархисты смотрят на рабочие союзы, как на ячейки будущаго социальнаго строя и как на могучее средство для подготовления такого общественнаго переворота, который неограничивался бы одною переменою правления а также перевернул бы современныя формы хозяйственной жизни, т. е. распределение производимых богатств и способов их производства.

Организация рабочих в профессиональные союзы еще молода в России, но уже начинается серьезное движение для образования обширных рабочих организаций и рабочие уже успели доказать свою силу.

Что такое понимание сил рабочих союзов — верно, уже доказывает опыт Русской революции. Рабочее движение в январе 1905 года в Петербурге, всеобщия стачки в Польше в мае и всеобщая стачка в октябре того же года, и крестьянския возстания, начавшияся с 1904 года, уже оказались более могучими силами в русской революции, оне больше подвинули дело русской революции, чем все остальныя силы вместе взятыя.

При этом оне поставили русское революционное **дело** на новое **основание**.

То, что уже достигнуто русской революцией, есть **дело** не той или другой политической партии. Оно — плод самопожертвования, прежде всего рабочих масс. И уже вследствие этого есть полное основание надеяться, что русская революция не ограничится простою переменою формы правления, а сделает хотя первые шаги по пути экспроприации земли и обобществления промышленнаго капитала.

---

*) Что предыдущия слова были верны — доказал французский конгресс рабочих в Амиене, на котором решения предложенныя социальдемократами были забалотированы невероятным большинством, а решения предложенныя анархистами были приняты почти единогласно. — Ред.

Для пробуждения среди рабочих и крестьян понимания их собственной силы, их решающаго голоса в революции, и того, чего они могут достигнуть в своих интересах, — русские анархисты, если они поймут эту свою задачу, могут оказать громадную пользу.

С созывом Думы, в которой собираются принять деятельное участие державшиеся до сих пор революционной тактики русские социальдемократы и социалисты-революционеры, революционныя силы начнут все более и более отвлекаться на созидание буржуазно-конституционнаго строя. И тут рабочим и крестьянским организациям предстоит выступить, как сила, борющаяся за свои рабочия права и в виду достижения каких нибудь действительных экономических результатов от теперешней революции.

Только то, что крестьянам и рабочим удастся осуществить теперь, во время революции — прямым действием, а не через парламент, — только то и будет достигнуто русскою **революциею.**

В виду этого на русских анархистах лежит великая обязанность. Пора теоретических разсуждений в отдельных маленьких группах прошла. Мы выработали свои идеалы и цели, мы сложились, как люди, воодушевленные общею целью и согласившиеся в общих чертах относительно способов действия. Но жизнь быстро идет вперед и требует от нас большаго: гораздо большаго даже, чем отдельные акты героизма в борьбе с капитализмом и его защитниками в правительстве. Она требует от нас деятельнаго вмешательства в жизнь крестьянских и рабочих масс.

Нам говорят иногда, что городских рабочих организуют социальдемократы, а крестьян организуют социалисты революционеры. Но помимо того, что и та и другая партия захватили лишь незначительную часть рабочих и крестьянских масс — первые по преимуществу среди рабочих в западной полосе России, а вторые среди крестьян в некоторых лишь губерниях России, — и что громаднейшия массы рабочих, как в Петербурге, так и в Москве, сорганизовались независимо от той или другой партии, — нужно помнить, что и те и другия организации имеют в виду особыя цели. Как только в России утвердится народное представительство на более широких началах, они намерены окунуться в парламентскую деятельность. А это будет смертью революции, **если крестьяне и рабочие дадут себя уговорить в том, чтобы ожидать изменения общих экономических условий от Парламента, а не от своих собственных действий.**

Обязанность анархистов — быть среди рабочих и не давать политическим партиям эксплуатировать рабочее движение в пользу парламентскаго постепеновства. Им предстоит — проводить в рабочую среду революционную мысль, с тем, чтобы из крестьянских и рабочих союзов создать силу, которая могла бы

сама приступить, на деле и на месте, к планомерной массовой экспроприации.

На практике, перед анархистами выступает всегда вопрос: вступать ли в рабочие союзы, уже существующие, или же стремиться создавать новые синдикаты, анархическаго характера?

Наши западно-европейские товарищи не проводят никакой определенной программы в этом отношении, и в каждом отдельном случае руководятся данными места и времени, а также личными склонностями каждаго из них. Некоторым товарищам удавалось создавать в Испании и во Франции, и даже в Лондоне, синдикаты, которые хотя и не включали значительных масс рабочих даннаго ремесла, а ограничивались лишь небольшим числом их, — оказывали, однако, своим почином и активной деятельностью глубокое влияние на всех рабочих своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачке, и выказывая организаторския способности, им удавалось приобретать серьезное влияние в своей среде и даже в федерациях синдикатов.

Другие вступали в существующие рабочие союзы и вскоре приобретали в них такое влияние, что становились вдохновителями своих товарищей по ремеслу, отвлекая их от политиканов, постоянно стремящихся наложить руку на ремесла, и вносили в рабочую среду революционную мысль.

Третьи, наконец, и это было большинство, в особенности в Испании, оставаясь членами анархических групп, работали над основанием безпартийных рабочих союзов и, заслужив доверие товарищей по ремеслу достигали того, что эти рабочие союзы шли рука об руку с анархистами, поручали ведение своих профессиональных газет анархистам и, как показал опыт, оставались заодно с анархистами, даже в такия минуты, когда преследования правительства доходили до крайних пределов.

Мы думаем, что не следует применять по этому вопросу резко определеннаго решения раз навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочий союз требует от своих членов признания социаль-демократической программы, то тут анархисту, конечно, делать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшие, свободные рабочие союзы того же ремесла.

Анархист, проникнутый сознанием, что рабочие союзы представляют собою силу будущей организации, а в настоящее революционное время уже заявили себя силою революционной, обыкновенно сам найдет, в связи с товарищами, ту форму деятельности среди рабочих союзов, которая наиболее согласна с его складом ума и темпераментом. Ему следует только никогда не терять из вида, что рабочие союзы не должны никогда быть орудием политических парламентских партий; что их назначение — **прямая борьба** с капиталом и его охранителями в государстве, а не ком-

промисс с ними в Парламенте. Их цель не замазывать отношений между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путем фиктивных уступок, **а стремиться к уничтожению капитализма** и к реорганизации политической жизни на основах соглашения между вольными рабочими союзами.

Имея эти цели всегда в виду — не для введения только в первые теоретические пункты программы, а для проведения в самой жизни, — анархисты, работающие в синдикатах никогда не рискуют затеряться в них и обратиться в орудие политических буржуазных партий.

IV.

О ТЕРРОРЕ.

Вл. Забрежнева.

Вот уже второй год кровь широким потоком усиленно льется по всему необ'ятному пространству многострадальной России. Разстрелы по суду и без суда, погромы, карательныя экспедиции, наглое, открытое поощрение черносотеннаго слова и дела — с одной стороны; смелыя нападения, вооруженныя возстания, акты мести и самозащиты, беззаветное самопожертвование и героизм — с другой. В результате сотни, тысячи жертв.

Жизнь человеческая обезценилась; »террор« вышел за пределы узкаго круга людей, всецело посвятивших себя делу освобождения. В эти дни кроваваго ужаса он перестал быть достоянием одних активных революционеров, подвергающихся специальным преследованиям правительства. Жизнь для всех, кроме изуверов существующаго строя, стала невыносимой, и не только те революционеры, которые еще так недавно принципиально отвергали террор, сами стали террористами, но даже люди посторонние революции и социализму понимают террористические акты и сочувствуют им.

Но не всегда и не для всех неизбежность и влияние актов активнаго протеста против опор существующаго строя бывает так очевидна, как они стали теперь, благодаря слишком уж откровенной разнузданности правительственных неистовств. В так-называемое мирное время, когда весь гнет государственнаго и капиталистическаго устройства обрушивается всею своею тяжестью исключительно на трудящияся массы, среди прогрессивно настроенных слоев общества нередко встречается, не только отрицательное отношение к активной борьбе с ним, но и резкия порицания ея.

Нужды нет, что в это »мирное« время число жертв от хронического недоедания, от изнурительнаго непосильнаго труда, »несчастных случаев« при работе и прочих ужасов капиталистического строя превосходит во много раз количество жертв от самой кровопролитной войны, от самой ожесточенной революционной борьбы. Жертвы эти в глаза не бросаются, крови их не видно, стонов не слышно.

В »мирное« время даже некоторыя социалистическия партии особенно возстают против таких бунтовских актов, нарушающих спокойное течение жизни, и усиленно стараются уверить трудящияся массы в благодетельности результатов »естественнаго хода событий«.

Под такой тактикой скрываются тайные помыслы о вступлении в законное русло. Буржуазия, бывшая в свое время партией »революционной«, успокоилась, достигнув власти и силы, — точно также, как и социалисты-государственники »свободных« стран, вступившие в прочный союз со своими теоретическими противниками. Те и другие теперь первые враги террора.

Но все революционныя партии, покуда оне остаются революционными, самым фактом своего нелегальнаго существования вынуждены бывают, как показывает история, прибегать к террору, — по крайней мере в целях самозащиты, — хотя бы теоретически оне и оспаривали целесообразность его.

Да иначе и быть не могло бы. Революционеры всегда преследуются представителями господствующей власти, и нередко преследования эти переходят границы терпения самых мирно-настроенных революционеров. Вспомним, как Желябов об'яснял на суде переход к террору русской социально-революционной партии:

»Если вы, господа судьи — говорил он — взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами; что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною«. (Процесс 1-го марта 1881 года).

С особенной силой необходимость актов самозащиты и мести всегда тяготела и тяготеет над анархистами.

Анархическое мировоззрение резко враждебно самым основам всякаго государства, власти и частной собственности на землю и орудия труда, и всему вытекающему отсюда положению вещей. Относясь скептически к реформам, отрицая сотрудничество и какие бы то ни было компромиссы с правящими классами, анархисты нигде, даже в самых демократических республиках, даже в гипотетическом коллективистском государстве социальдемократов, не могут перестать быть революционерами.

И во всех существующих государствах простая пропаганда идей анархизма вызывает жестокия преследования*). У всех еще на памяти убийства и пытки анархистов в Монтжюихской крепо-

*) Относительно будущаго, социальдемократическаго государства, имеется много угроз, вроде слов соц. дем. депутата Шовэна: »Когда мы захватим власть, первой нашой задачей будет разстрелять анархистов«.

сти (в Испании), повлекшия за собой убийство министра Кановаса, а также последующия злодейства испанскаго правительства, послужившия причиной покушений на министра Маура и на Альфонса XIII-го.

Кроме того, наряду с явными, исключительными законами в демократических республиках — Франции, Швейцарии и Соединенных Штатов, повсюду существуют еще тайные.

Наконец, неистовства русскаго правительства по отношению к анархистам (напр., в Варшаве) выделяются даже на фоне общаго кошмарнаго ужаса наших дней.

Итак, террор оборонительный является неизбежным спутником всякой революционной партии, в том числе и анархической.

Но, будучи последовательными, понимая сущность, причины и последствия гнета, лежащаго на плечах обездоленных, коммунисты-анархисты не могут реагировать только на прямыя враждебныя действия правительств по отношению к ним. Существующий строй непрерывно давит на трудящияся массы, лишая их возможности человеческой жизни, неуклонно толкая их в преждевременную могилу, и его давление всегда стремится возростать и усиливаться при отсутствии отпора. Необходимость этого отпора анархисты сознают, и не упускают по мере возможности осуществлять его. Они не смотрят на этот отпор, как на средство победить существующий строй. Они знают, что победа может быть достигнута лишь дружным, активным выступлением самих масс. Но отдельные акты в интересах народа могут способствовать пробуждению активности его, под'ему духа в нем, могут приблизить его к революции.

Вот почему коммунисты-анархисты признают агитационное значение и пользу для освободительнаго дела за такими личными и коллективными актами протеста и высказывают это устно и печатно.

Ниже мы разберет на отдельных примерах из истории террористической борьбы, какие акты, совершенные различными партиями, давали положительные результаты.

Теперь же отметим еще, что хотя коммунисты-анархисты и признают террористическую борьбу, но террор вовсе не связан **органически** с сущностью анархическаго мировоззрения и не вытекает из него. Напротив того, нет другого мировоззрения, более проникнутаго любовью не к отвлеченному человечеству, а к живому человеку, ко всем людям. И только понимание сущности современнаго строя, основаннаго на насилии, самый этот строй, его проявления, сущность государства, этой машины, основанной на насилии во имя насилия, вынуждают анархистов бороться с

Это не мешает нашим противникам почти всегда отождествлять анархизм с терроризмом. Они стараются даже подменить все содержание анархической пропаганды, представляя ее призывом к безсмысленным жестокостям — безграничною и безпричинною жаждою крови. Одни делают это, чтобы оправдать применение к анархистам, даже и без всякаго видимаго повода, за одно то, что они анархисты, самых суровых мер; другие, чтобы помешать распространению анархизма, чтобы оттолкнуть от знакомства с ним.

Эти нелепыя измышления лучше всего, конечно, опровергаются серьезным знакомством с идеями анархизма и анархическим движением. Но что до всего этого недобросовестным врагам!

Напрасно анархисты Шпис, Шваб и Фишер, судившиеся в Чикаго в 1887 году, раз'ясняли на суде что »анархизм вовсе не означает: кровопролитие, грабеж, кинжалы, яд и т. п. Все это ужасныя принадлежности и характерные признаки современнаго капиталистическаго строя. Анархизм означает: мир и довольство для всех. Анархисты с удовольствием отказались бы от всякаго насилия. В современном строе насилие практикуется всеми, мы же советуем угнетенным употребление насилия против насилия и только против насилия, как необходимое средство защиты«. (См. их процесс).

Все эти заявления (как и многия другия, печатныя и устныя) не помешали однако заинтересованным партиям уверять, что »анархизм — голое насилие«, а буржуазное общество »мир и порядок«, и это даже несмотря на то что американския буржуазныя газеты того времени писали например следующее:

»На этих скотов (стачечников) — писала Нью-'оркская *Tribune* — ничем, кроме силы, не подействуешь, а потому им надо дать такой урок, чтобы они не забыли его впродолжение нескольких поколений«.

»Бомбы надо бросать в толпу стачечников, стремящихся повысить заработную плату и уменьшить рабочий день; таким образом и они будут проучены, да и на других пример подействует«, — проповедывал Чикагский *Times*.

»Лучшее средство против голодающих безработных, это — класть им в пищу мышьяк«. Вот до чего договорился Чикагский *Times*.

Предоставим же такого сорта »идейных противников« самим себе и напомним лишь, что акты даже тех товарищей, которые переоценивали боевое значение террора, всегда в сущности бывали вызваны реальными поводами со стороны правящих и господствующих. Эти акты сводились к мести и самозащите личной

Вот перед нами целый ряд актов »эры динамита« во Франции, открывшейся выступлением Равашоля.

11 марта 1892 года он подложил бомбу на лестнице председателя Парижскаго суда, Бенуа, а 27 марта того же года он сделал тоже в доме прокурора Бюло, т. е. в домах тех самых судейских, благодаря стараниям которых был вынесен очень суровый приговор по делу анархистов Декамна, Дардара и Левайеля*).

Взрыв казарм Лобо об'ясняется негодованием на покорность, с которою войска шли на усмирение рабочих. Взрыв ресторана Вери, накануне суда над Равашолем, был ответом на выдачу Равашоля служащим этого ресторана.

Бомба Вальяна была брошена в Палату депутатов, только что проявившую свою подкупность в Панамских мошенничествах.

Вотированные этой же Палатой (при участии »социалистических« депутатов) исключительные законы против анархистов и свирепые преследования анархистов на основании их повели к взрыву 13 февраля 1894 года, (через неделю после казни Вальяна) в богатом кафе »Терминус«. Автор взрыва, Эмиль Анри, мотивировал свой акт, между прочим, тем, что он желал поразить безымянную толпу-стадо, своим одобрением поддержавшую подлые законы своих выборных.

»Массы лиц, — говорил Анри на суде в свою защиту — массы лиц взятых наугад, были насильно отняты в своих семейств и брошены в тюрьму. Что делалось с женами и детьми этих товарищей, во время их заключения? Никто, конечно, этим не интересовался. Анархист перестал считаться человеком, это был зверь, котораго травили со всех сторон, и буржуазная пресса на все лады требовала его уничтожения . . .

»Буржуазия не делала различия между анархистами, продолжал он; один из них — Вальян — бросил бомбу и, хотя девять десятых из его товарищей не знали о его планах, тем не менее преследованию подвергались все, кто только имел какое нибудь отношение к анархизму. Что же! если вы делаете целую

партию отвественной за действия одного из ея членов, если вы бьете огулом всех — мы будем делать тоже самое! . .«

Наконец Казерио убил президента французской республики Карно, отказавшагося заменить смертный приговор Вальяна каторгой, несмотря на заступничество значительной части прессы, в виду того, что его бомба никого не убила, и что во Франции никогда не казнят за **покушение**, если не было действительной жертвы.

Мы упомянули для примера лишь о наиболее крупных актах этой »эры динамита« для того только чтобы показать, что в основе их лежали реальныя проявления гнета современнаго строя. Точно также обстояло дело и с другими актами анархистов.

Но не все они имели положительные результаты. Часть их дала лишь исход личному чувству негодования и возмущения, которое совершившие эти акты не в силах были больше сдерживать. Правда, временно они на смерть перепугали буржуазию, но масс они не увлекли за собой, и даже вызвали отрицательное отношение к ним со стороны рабочих, не затронутых пропагандой и не понявших этой борьбы анархистов за существование.

Прекращение »эры динамита« выясняется, таким образом, вовсе не репрессиями, которыя никогда не устрашают идейных борцов, а тем, что французские товарищи убедились в безплодности тактики систематическаго террора и недостаточности его для пропаганды своих идей.*)

Для революционеров, имеющих определенное мировоззрение и борящихся за определенные идеалы, каковы коммунисты-анархисты, это далеко не второстепенный вопрос. Далеко не все террористические акты для них равнозначущи. Для них имеют значение лишь те акты, которые понятны массам, заслуживают одобрения масс, и тем способствуют пробуждению революционнаго духа распространению идей. Анархисты вовсе не думают облагодетельствовать народ сверху. Стремясь к социальной революции, они знают, что такая революция возможна лишь при условии деятельнаго участия самих масс и стараются прежде всего пробудить в них сознание важности этой революции, понимание необходимости выступления самих масс, и подвинуть их к этому примером личной самоотверженности и героизма.

---

*) Мужество и идейная преданность деятелей этой эпохи доказаны многими из них. Даже в каторге они не переставали протестовать против произвола, и многие из них были убиты там солдатами за »бунты« или, как 18 летний Симон Бисквит, за

Случается, что акты партийной самозащиты или мести, будучи вызваны деяниями, возмущающими всех, знающих о них, совпадают с общим настроением. Тогда они имеют большое агитационное значение.

Таковы покушения на испанскаго министра Маура, который, спасшись от мстительной руки анархиста, был встречен толпою градом камней и свистками.

Таково убийство тамбовскаго губернатора Луженовскаго. Впечатление произведенное этим актом натамбовских крестьян прекрасно выражается их молитвами »о здравии болящей Марии«. Убийства Абрамова и Жданова, — инквизиторов Спиридоновой — равно как и Сахарова, саратовскаго сатрапа, отвечали затаенным мыслям всех, в ком шевелится малейшее чувство порядочности.

У всех еще свежо в памяти убийство Плеве, которому не радоваться не могли себя заставить даже принципиальные противники террора, точно также, как и убийство Сергея, одного из главных виновников январьской бойни.

Убийство Богдановича (Уфимскаго губернатора) считалось неизбежным и с нетерпением ожидалось всеми златоустовскими рабочими, после произведеннаго им разстрела стачечников, подобно тому, как убийство Мина ожидалось во всей России.

Вспомним, наконец, покушение Гирша Леккерта на Валя, после сечения виленских рабочих, и экзекуцию над доктором Михайловым (врач присутствовавший при сечении; ныне, по признанию Лопухина в письме к Столыпину, состоящий на жалованьи и департамента полиции) — которыя дали такое же удовлетворение всем знавшим об этом, как в свое время выстрел Веры Засулич в Трепова-отца.

В тесных пределах отдельных местностей равнозначущими являются устранения местных угнетателей полицейских, шпионов, хозяев, мастеров.

Хроника борьбы русских рабочих и крестьян со своими эксплуататорами, акты, так называемаго »экономическаго« террора у всех перед глазами. Но напомним один характерный эпизод из жизни »свободной« Франции.

На копях компании в Деказвиле, президентом которой состоял »великий экономист« Леон Сэй, рабочие, выведенные из терпения притеснениями и понижением платы, об'явили стачку 26 янв. 1886 г. Понижение это было вызвано не плохими делами компании, а личным усердием пом. директора Ватрэна, давно уже ненавидимаго рабочими, которому компания обещала 5 процентов с достигнутаго им сокращения расходов на заработную плату. В числе требований, очень умеренных, была и отставка Ватрэна. Ватрэн, разумеется, отказался принять их и забарикадировался

в конторе. Толпа выломала дверь и избила его до смерти палками, выбросила труп в окно.

Что представлял из себя Ватрэн, видно из того, что даже буржуазия говорила, что не теперь, так через несколько лет, такой конец для него был бы неизбежен, а газеты напечатали слова бывшаго местнаго префекта, еще за пять лет до того предсказывавшаго взрыв ненависти рабочих.

Впечатление, произведенное этим возмущением на французских рабочих и фабрикантов было грандиозное, тем более, что здесь рабочие **сами** явились своими мстителями.

Мы могли бы привести много подобных фактов из хроники борьбы рабочих Америки, Англии, Италии и других стран. Но довольно и этого примера.

Все приведенные и подобные им террористические акты, индивидуальные и, особенно, коллективные, имели самое положительное значение, потому что, отвечая затаенному желанию населения более или менее обширнаго пространства, они были понятны ему, выражали это настроение. Давая исход личному чуству возмущения, они удовлетворяли и требования возмущенной совести тех, у кого она имеется, и особенно — непосредственно терпевших от устраненнаго негодяя.

Они поднимали дух терпеливых и покорных дотоле жертв, подрывая в массах веру в могущество политических или экономических эксплуататоров.

Как, казалось, охраняем был Плеве или Сергей! как недостижим был Сипягин, грозивший кровью залить улицы городов, где произойдут демонстрации! . . . И вот, не смотря на всевозможныя охраны, не смотря на все их ухищрения, они поражены рукою революционера. Здесь действительно есть, о чем пораздумать.

Акты такого-рода будят большинство; в предреволюционное время они могут повести к началу активнаго выступления масс.

Но рядом с этим, другие акты, имеющие громадное значение для непосредственно заинтересованных в них, или являющиеся продуктом исключительно повышеннаго психологическаго настроения совершающих их, проходят совершенно безследно для масс, для революционнаго дела, или приводят даже к результатам противуположным тем, которые ожидались, и ими пользуются противники в своих целях. А между тем за жизнь или даже за простой испуг какого нибудь негодяя гибнут честные самоотверженные люди, гибнут силы, которыя, иначе использованныя, могли бы принести громадную пользу делу революции.

Приведем для примера хоть рабочаго Лотье, заколовшаго кинжалом в кафе (в Париже) одного буржуа, с орденской лентой в петлице, предполагая в нем особенно вреднаго эксплоатации пара-

зла. Жертва оказалась сербским посланником (Георгиевич), не имевшим за собою другой вины, кроме принадлежности к паразитному слою общества, слишком обширному, чтобы его можно было уничтожить путем убийств его отдельных представителей.

Лет десять тому назад, потерявший работу рабочий Андреев пырнул ножом на музыке в Павловске (аристократическая дачная местность близь Петербурга) одного генерала, самаго обыкновеннаго генерала, ничем особенно не замечательнаго, каких тысячи в российской армии.

Наконец убийство Луккени австрийской императрицы Елизаветы произвело на массы самое отрицательное впечатление. Луккени поразил ее, как одну из представительниц власть и капитал имущих. Можно представить себе психологию сына народа, всю жизнь видевшаго вокруг себя отчаянную нищету, голод, преждевременную безотрадную старость и массовую смерть детей пролетариев; гибель своих близких и постыдное унижение; вынужденную ради куска хлеба проституцию дочерей и сестер тех самых людей, которые тяжелым трудом создают богатства подлых паразитов, покупающих человеческое тело, — можно понять психологию сына народа при виде этой коронованной женщины, утопавшей в роскоши.

Но широкия массы не могли понять его психологии. В их глазах, как и в глазах не испытавших на себе весь ужас безысходнаго положения обездоленнаго люда, совершенно было убийство беззащитной женщины, не сделавшей сознательно никакого особеннаго зла.

Поэтому такие акты, непонятные сами по себе, требующие для уяснения цели и значения их массам длинных об'яснений и сложной мотивировки, являются по нашему мнению напрасной тратой сил и безполезной потерей жизней.

Точно также и террор, возведенный в систему, террор, в котором видят **средство** для изменения существующаго строя, поглощающий лучшия силы партий, практикующих его, и быстро ведущий к разгрому их — по нашему мнению безплоден.

Если и можно систематическим террором запугать правительство или господствующий класс и вырвать у них кое какия уступки, то лишь временно, до тех пор пока они сами преувеличивают силы противника. Когда же они убеждаются, что за боевым отрядом не стоят массы, солидарныя с деятельностью его, когда они видят, что некому и нечем отстоять и удержать достигнутое, реакция не знает удержу.

Героический поединок Исполнительнаго Комитета партии Народной Воли с самодержавием служит одним из примеров, подтверждающих наше мнение.

К тому же, действительно все-устрашающаго характера террор революционеров и не может иметь. Проведение террора, не останавливающагося ни перед чем, лишь бы запугать и ослабить врага, террора не разбирающаго ни количества жертв, ни правых, ни виновных, не может практиковаться революционерами, воодушевленными идеями всеобщаго счастья; его могут практиковать лишь организованныя банды правительств, существующих или утверждающихся вновь.

К нему способны прибегать лишь темныя силы реакции, как это было в 1805—1820, в 1852 и 1871 годах во Франции, в сороковых годах в Австрии, Италии и т. д.

Все эти массовыя убийства, совершаемыя правительствами, погромы, карательныя экспедиции, полевые суды и т. п. — не средства борьбы революционеров и народа.

Революционеры, сторонники освободительнаго движения, являются всегда носителями принципа справедливости, высшей, чем та, которую признает какое либо правительство, защищающее всегда интересы привилегированных.

Правительственные агенты — генералы Меллеры-Закомельские, Ренненкампфы, Скалоны, Мины и т. п. подвергают бомбардировке и поджигают целыя селения, по подозрению в укрывательстве революционеров или оружия, заливают улицы городов кровью, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей, возят с собой »заложников«, как гарантию своей безнаказанности со стороны населения, и казнять их, даже в поездах.

А революционер, как Каляев, рискуя успехом дела и напрасной своею гибелью, удерживается от бросания бомбы, чтобы не пострадала княгиня или княжеския дети, или, как наш товарищ в Екатеринославе, прекращает стрельбу в ненавистнаго предателя-директора фабрики, Эзау, чтобы не поранить жену его; как Карпович, наконец, упускает самыя удобныя положения врага, чтобы не попасть в посторонних.

Всегда, если есть хоть какая нибудь возможность, революционеры избегают напрасных жертв.

И такое их поведение придает гораздо большее значение их актам, чем простое устранение негодяев, которые легко могут быть заменены другими.

Их самопожертвование, их смелость и преданность делу производят несравненно большее впечатление на массы, чем непосредственные результаты их актов, и больше способствуют идейной пропаганде.

Революционеры не могут [redacted] ний врага — правительственных чиновников, солдат и т. п. без разбора.*)

И если в пылу битвы им и приходится убивать солдат и нижних полицейских, революционеры всегда имеют в виду, что лишь немногие из этих врагов заинтересованы в своем ремесле.

Большая же часть их является слепым орудием в руках, власть и капитал имущих. Забираемые силою, или толкаемые нуждою, находящиеся постоянно под угрозой особенно суровых кар, они сохраняют интересы, общие с народом, легко поддаются революционной пропаганде и окажут современем решающее влияние на исход революционной борьбы.

Народ, взятый в массе, всегда великодушен. Даже в эпохи обостренной, открытой борьбы он не бывает ни кровожаден, ни жесток. Чрезмерная жестокость, даже по отношению к заклятым врагам, отталкивает его. И если взрывы его святой мести бывают порою ужасны — за то история показывает, как безконечно ничтожно число жертв со стороны врага при народных возстаниях в сравнении с числом жертв из среды самого народа. Правительства же жестоки не только при борьбе, но и при победе, и даже при победе особенно. Версальцы, например, втечение одной недели уничтожили 30,000 человек, многих — уже после подавления возстания. Для народа, победа его — это великое всеобщее отпущение грехов, освобождение и братское об'единение всех людей.

Из всего сказаннаго ясно наше отношение к различным видам террора. Главным критерием полезности или ненужности акта является, по нашему мнению, впечатление, которое он производит на массы, его значение для приближения революции.

Само собою разумеется, что такого рода акты, как нападения на перваго встречнаго буржуа или агента правительства, поджоги или взрывы кафе, театров и т. п. совершенно не являются логическим выводом из анархическаго мировоззрения, и об'яснения их надо искать в психологии совершающих их.

Свидетельствуя о безысходном отчаянии при полной безнадежности, они вызываются всею совокупностью ненормальных общественных условий.

Те самыя причины, которыя пассивную натуру приводят к самоубийству, натуру активную заставляют мстить первому по-

---

*) Особенно теперь, когда государства захватили в свои руки многия области народнаго хозяйства (пути сообщения, почта, телеграф, табачное и водочное, банковое дело), и громадное большинство лиц, занятых в них и считающихся »правительственными чиновниками«, на самом деле эксплуатируются государством не меньше, чем частными капиталистами.

капиталистическаго и государственнаго ада.

Распространение такого рода актов может быть лишь вредно делу социальной революции, отвлекая людей преданных и идейных от положительной работы сплочения трудящихся масс, которыя одне могут иметь решающее значение на исход революционной борьбы и привести к торжеству идеала анархическаго коммунизма.

Специально анархическую окраску террористические акты могут иметь не по тому, на что или против кого они направлены, но по тому **как** они осуществлены.

В этом деле, влекущем за собою громадный личный риск непосредственных участников его, еще менее, чем в каком бы то ни было другом может быть допустим принцип централизма.

Оно может быть лишь результатом личной инициативы, личной решимости и риска, личной ответственности выполнителей его, и с нашей точки зрения ни нуждается ни в какой санкции, ни в каком указании и приглашении со стороны, хотя бы и единомышленников, но не принимающих самаго близкаго участия в нем.

Самому духу анархизма противны »приговоры«, »суды«, »казни« и тому подобные буржуазные пережитки в революционно-социалистических партиях.

Вынужденные условиями нелегальнаго существования прибегать к террористическим актам, анархисты не »судят«, не »казнят«; они защищаются или мстят.

Они не возводят терроризм в принцип, а смотрят на него как на крайне тяжелую, но, к сожалению, при наличности классового и государственнаго гнета неизбежную принадлежность партии, активно борющейся за лучшее будущее для всего человечества.

В этом будущем строе при отсутствии угнетения человека человеком, обществом и государством, сделается ненужным и насильственное противодействие им.

V.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ.

М. Корн.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрек на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм, это — хаос, безпорядок, вражда каждаго против всех, тогда как организация это — гармония, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова »организация«, а также и незнакомство с основными принципами анархизма, привели к тому, что по этому вопросу — особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особенную важность — создалась целая масса предразсудков, еще более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или экономики.

Что такое организация? Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более стремится оно к типу организации которая представляла бы одновременный рост **общественной солидарности и индивидуальнаго развития** составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишенных чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадом рабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновременнаго развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили ницшеанствующие аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он, лично, стоит выше окружающих, то его развитие — однобокое; в нем остались неразвитыми лучшия человеческия чувства, справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему, стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты, **не вопреки тому**, что мы анархисты, а именно **в силу этого.**

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это — свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни была другая. Эту-то **свободную, добровольную** организацию, — это **вольное соглашение** мы и противполагаем всякой организации принудительной, иерархической, и считаем, что она делает человеческий союз теснее и прочнее.

Пока речь идет только об общественном »идеале«, с нами еще, пожалуй, соглашаются: »идеал« — дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает **сейчас**. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал **обязывает сейчас**, и для последовательнаго человека не может быть раздвоения; одно — в идеале, другое, совершенно противуположное — на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социальдемократы: известную фразу Энгельса на этот счет не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая разсчитывать на это »само«, находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница еще в том, что предвидя уничтожение государства в будущем, социальдемократы делают в настоящем все для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпутаться из этого положения людям того момента, когда произойдет »скачек из царства необходимости в царство свободы« и сильное государство перейдет в свою противуположность, т. е. в полное отсутствие онаго. Мы же не разсчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. »На Бога надейся, а сам не плошай«.

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем все возможное, чтобы подорвать ее. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, об'единенных под властью одного центральнаго комитета, а совокупность

всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собою партию, и притом партию **всемирную**; мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой — работу в профессиональных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство, котораго нельзя достигнуть никакими искуственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всем мире. На практике, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно, еще более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле мы опять-таки можем говорить об »анархической партии« в России, во Франции, в Испании и т. д.

Как же представляем мы себе такую партию, в последнем, более узком смысле, т. е. в смысле людей, связанных не только общностью идей, но и практическими сношениями?

В основе ея лежит **группа** — многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной надобности близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было **практическую** работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторскаго типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративныя дела и вообще играющий руководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задается целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого то странного предразсудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в нее должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы

должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов между собою устраняет многия принципиальныя и практическия затруднения.

Как решаются например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами — вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров) мы знаем цену численнаго превосходства и не считаем решения правильным, только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10. По каждому данному вопросу, в группе **должны придти к соглашению;** если же вопрос настолько важен, что никакия добровольныя уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для определенных целей, должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами, устанавливать какия ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение); эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношения могут быть очень различны: возьмет ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почему нибудь легче могущий исполнять это, будут ли группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личныя связи (как обыкновенно происходит во французских группах) — это зависит от условий, и принципиальнаго значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чем бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, **принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается.** Это — основной принцип анархической организации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других ея форм.

Помимо постоянной федеративной связи, существенным средством общения между группами могут служить с'езды. Вопрос о них поднимался не мало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вна-

чале (80-ые годы) решительно против всякаго рода с'ездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких с'ездов, где нет ни голосования ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее*).

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из за организационнаго вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го, и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социальдемократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающих участия в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентарнаго символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационныя правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уж очень принято говорить об анархистах, как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужия организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические с'езды. В Бельгии такие с'езды происходят периодически, а в Англии — раз в год; собираются, или делегаты всех существующих групп; или только из нескольких городов. В Соединенных Штатах, где движение ведется главным образом выходцами из Европы, происходят такие же с'езды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на европейском языке. Бывают анархические с'езды и в Голландии, и даже в Германии.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большия затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленныя, импровизированныя конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время обще-социалистических международных конгрессов. Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьезный, задолго подготовленный с'езд. На призыв группы товарищей взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени с'езда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и т. д. Было получено больше 90 докладов по разным вопро-

*) Пример существовал, однако, в с'ездах английских рабочих союзах (трэд-юнионов). Решения их с'ездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. — Ред.

сам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах*). Но конгресс был запрещен французским правительством на основании исключительнаго закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагается устроить международный с'езд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно с'езды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и оффициальным выразителем ея мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься, не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнение, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об оффициальном органе. Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с нею согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды**). В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда **против** большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, нисколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений **всех** анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит про-

---

*) Они составляют большой том, изданный при Temps Nouveaux в Париже. Наше издание »Доклады Конгрессу« содержит только некоторые из них. — Ред.

**) Любопытно заметить, что всякий раз появление новаго органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. — Ред.

грамме и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею. — Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об оффициальных партийных органах сидит еще глубоко.

Отсутствие у анархистов центральнаго учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, »всякий молодец на свой образец«. Но стоит только немного подумать, чтобы увидать, что существование центральнаго комитета ничего не изменило бы. Положим, что в партии, по какому нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это разногласие, разумеется, не исчезает, а только **подавляется** дисциплиной; в результате, меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии — большинству или меньшинству — нет возможности увидать, как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создается хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того, чтобы искать точек соприкосновения, все дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например, о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было напр. во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в предыдущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционнаго духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решайся этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым был бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемаго ими способа действия. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочия организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными; рабочие понемногу переставали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и безкорыстных работников. Анархическия идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов »синдикалистов« быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета »*La Revolte*« на упрек, высказанный бывшим коммунаром Лефранцэ в брошюре »Куда идут анархисты?« Автор упрекает анархистов, между прочим, в том, что их принцип: »Делай что хочешь«. Да, говорит »*La Revolte*«, »Делай что хочешь« — наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неот'емлемую принадлежность революционера? Да, анархист стремится к тому, чтобы люди делали то, чего они хотят, и своею деятельностью надеятся не **принудить** людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они **хотели** поступать так или иначе. Бороться силою мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насилием удерживает свое господство. Но когда революция победит (а внутри революционной среды — уже и теперь), мы будем разсчитывать для дальнейшаго распространения наших идей на одно только **вольное соглашение.**

VI.

ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ-АНАРХИСТОВ К СУЩЕСТВУЮЩИМ В РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ.

Н. Ветрова.

Вопрос об отношении коммунистов-анархистов к существующим в России политическим партиям может иметь двоякий смысл: во-первых, он может означать **различие** между теорией и практикой анархическаго коммунизма и соответственной теорией и практикой других партий; во вторых, он может означать **возможность или невозможность соглашения** анархистов с другими партиями.

Будучи понимаем в первом смысле, вопрос получает чисто теоретический характер, и для разрешения его мы должны дать себе ясный отчет, как в нашей собственной программе, так и в программах тех партий, с которыми мы хотим размежеваться. Подробное разсмотрение этого вопроса потребовало бы целой книги или по крайней мере брошюры. Но так как без предварительнаго его разсмотрения мы не можем решить вопроса о возможности или невозможности соглашения с другими партиями, то мы должны его разсмотреть хотя бы в кратких чертах.

Какова же **наша** программа? Каковы программы других партий?

Будучи выражена в немногих словах, конечная цель нашей программы есть социализм, т. е. обобществление земли и орудий труда, но при полном отсутствии государственной власти; средством же для этой цели безгосударственнаго социализма является организация рабочих в синдикатах и непосредственная борьба их путем революционной всеобщей стачки, как против капиталистов, так и против всякой государственной власти. Наша **экономическая** задача заключается в упразднении всякой прибавочной стоимости, т. е. всякой эксплуатации человека человеком. Наша **политическая** задача заключается в упразднении военных и судебно-полицейских устоев власти, составляющих краеугольный камень всякаго государства.

В противовес нам, коммунистам-анархистам, либеральныя партии являются врагами социализма и желают сохранения существующаго порядка частной собственности; оне высоко ценят военную и судебно-полицейскую силу государства как охранительницу этой частной собственности.

С другой стороны партии с. д. и с. р., имея ту же конечную цель, что и мы, т. е. социализм, полагают однако, что вне опеки государственной власти социализм немыслим, и к самому торжеству социализма стремятся путем участия в современной политической власти.

Либералы жаждут власти для того, чтобы **закрепить** существующия монополии капитала; социалисты же добиваются власти для того, чтобы **уничтожить** эти монополии и **урегулировать новый социалистический порядок собственности с помощью войска, полиции и юстиции.**

Из всего здесь сказаннаго ясно, что между коммунистами-анархистами с одной стороны, и либералами или социалистами с другой — существует непроходимая пропасть. Либералы, как и социалисты, не представляют себе общественнаго прогресса вне участия в государственной власти; войско, полиция и юстиция одинаково представляются для них необходимыми силами, охраняющими общество. Между тем, мы, коммунисты-анархисты, видим в государственной власти **препятствие** для общественнаго прогресса, а в войске, полиции и юстиции — неиссякаемый **источник порчи и развращения** всякаго народа. Хотя социалисты стремятся к социализму подобно нам, но поскольку они и его желают опирать на насилие государства в будущем, и поскольку стремятся к нему путем участия в государственной власти в настоящем, постольку они враждебны для нас не меньше либералов.

Всем, до сих пор сказанным, сам собою дается вполне отрицательный ответ на вопрос о возможности какого бы то ни было соглашения между нами и какой либо из существующих политических партий.

Социалисты вступают иногда в соглашение с либералами, вопреки полной противоположности их конечной цели, потому что и те и другие одинаково смотрят на политическую власть, как на единственное средство воздействия на общество. У них есть общий враг: существующее оффициальное правительство, желающее их отстранить от власти. Отстранение от власти означает для них потерю всякаго влияния на общественныя дела, и потому они готовы забыть на время свои разногласия, лишь бы завоевать для себя самую возможность общественной деятельности — посредством власти. Для нас же, коммунистов-анархистов, участие в государственной власти является **недопустимым**; наше поле деятельности — сам народ, рабочие и крестьяне; для того, чтобы работать среди них, у нас нет нужды в каких либо других силах, кроме собственной преданности нашему идеалу. Вот почему мы ни с какой из существующих партий, поскольку оне принимают участие в государственно-политической борьбе, ни в какое соглашение вступать не можем.

Другое дело, если какая либо из существующих партий, помимо легальной политической борьбы, вступает на революционный путь. Мы знаем, что такия отрадныя явления имеют иногда место. Многие из с. д. и с. р. смотрят совершенно отрицательно на участие в парламенте и считают единственно достойной социалиста работой — организацию самих рабочих масс для непосредственнаго завоевания ими своих прав на землю и орудия труда. С подобными революционными актами мы не можем не считаться, хотя вдохновлявшия их авторов цели разнятся от наших собственных. В таких случаях мы должны приветствовать революционную агитацию других партий, но при этом открыто и с возможно большею энергией выяснять отличие нашего идеала от идеала этих партий.

Если заходит, например, речь о том, чтобы не давать рекрутов правительству, или не платить податей, мы должны подчеркивать, что мы стоим за то, чтобы народ не давал правительству солдат, не только до тех пор, пока оно не созовет новой Думы, но чтобы он **вообще** солдат не давал, **вообще** налогов не платил, ибо только в таком случае можно обезсилить ту кучку зловредных паразитов, которая образует правительство и с помощью крови и труда самого же народа угнетает народ.

В заключение, еще несколько слов по поводу нашего отношения к представителям других партий, как к **лицам**. Всегда надо иметь в виду, что среди представителей всякой партии есть лица искренния, честныя, преисполненныя по отношению к народу не менее благими намерениями, чем мы. Так как **на глаз** никто не может отличить искренняго и честнаго к. д., с. д. или с. р. от неискренняго и нечестнаго, то лучше всего **всегда** предполагать, что вы имеете дело с противником искренним и честным, и стараться воздействовать на него, не путем унижающих человеческое достоинство сомнительных красот партийной ругани, а путем яснаго изложения своей собственной программы и путем не менее яснаго указания недостатков программы других партий. Нельзя забывать, что если мы имеем в настоящее время в России довольно много анархистов-коммунистов, как среди интеллигенции, так особенно среди рабочих, то огромное большинство этих наших товарищей еще недавно были с. д., с. р., а иногда и к. д. Идеал анархическаго коммунизма, исключающий из общественнаго обихода всякое насильственное принуждение и всякую эксплуатацию человека человеком, как и идеал чистаго социализма вообще, настолько прекрасен, возвышен и выгоден, что ни один порядочный человек не может считать его нежелательным. Если порядочные люди говорят против анархическаго коммунизма, то делают они это не принципиально, а лишь из соображений »реальной политики«, или практики. Все существующия рядом с нами партии

являются в этом отношении минималистами и постепеновцами, считая при этом нас утопическими максималистами и фантазерами, мечтающими в несколько дней водворить во всем мире анархический коммунизм. Мы должны поэтому особенно подробно развивать ту часть нашей программы, которая касается практики. Мы должны энергично открещиваться от обвинения в утопизме и фантазерстве. Мы должны показать, что настоящими практиками и действительно реальными политиками являемся только мы, так как мы одни зовем народ к непосредственной творческой самодеятельности в той сфере, которая является единственно полезной.

Когда к. д. зовед народ к подаче голосов за реформы в рамках буржуазнаго строя; когда с. д. или с. р. зовет на борьбу за демократическую республику, долженствующую декретировать социализм, — они действуют с помощью таких сил, как идея представительства и идея государственной регламентации, — сил, которыя имеют реальную опору в произволе суда и в грубом насилии войска и полиции, и потому **всегда** более вредны, чем полезны. Опыт повседневной жизни таких стран как Франция, Англия, Россия, достаточно ясно говорит нам, что все формы правительства **одинаково** враждебны социализму и **одинаково** борятся против голодающаго пролетариата с помощью тех самых солдат, суда и полиции, которые должны были бы защищать народ. Вот отчего всякая партия, которая хочет добиться народнаго блага с помощью правительственнаго насилия, похожа на человека, который хочет тушить пожар с помощью керосина.

Бороться против современнаго политико-экономическаго строя можно **только борясь против его реальной опоры** — суда, полиции и войска во всех их центральных и местных, декретированных и выборных формах. **Настоящим социалистом можно быть только будучи анархистом.** Всякая борьба против капитала должна быть одновременно борьбой и против государства, т. е. против реальнаго его проявления — суда, полиции и войска.

Поскольку мы — анархисты, мы из рамок **этой** борьбы выходить не можем; поскольку мы жаждем **скорейшаго** осуществления социализма, мы не можем оставаться равнодушными к судебно-полицейским и военным устоям **всех** современных государств без различия их форм.

Правда **эта** борьба больше и безчеловечнее всего преследуется всеми правительствами; **эта** борьба требует от нас наивысшей энергии и способности к самопожертвованию; но от этого она не делается ни фантастичной, ни утопической. Было время — не очень давно —, когда у нас казнили, погребали в тюрьмах и ссылали в Сибирь сотни и тысячи людей за **мысль о конституции**; лучшие люди удивляли до сих пор весь мир своим героизмом и самопожертвованием **во имя ограниченной монархии или демо-**

кратической республики. Отсутствие страха перед преследованиями правительства и героическая способность к самопожертвованию всегда являлись отличительными чертами искренних и честных людей, независимо от цели их борьбы.

Надо надеяться, что духовный уровень анархистов-коммунистов в этом отношении не ниже средняго уровня сторонников других партий. Если до сих пор, вопреки преследованиям правительств, находились способные к самопожертвованию люди для борьбы за конституцию или за государственный социализм, то находились и найдутся подобные же люди и для борьбы за безгосударственный социализм, т. е. за анархический коммунизм. И именно среди наиболее самоотверженных с. д. или с. р. или даже к. д., раз только они ближе познакомятся с нашей программой, скорее всего могут найтись люди, которые и впредь, как это бывало до сих пор, будут переходить в наш лагерь. Нам нельзя поэтому относиться отрицательно к сторонникам других партий **как к отдельным лицам**, но напротив, уважая их как людей, стараться привлечь их на свою сторону, оставаясь в то же время вполне непримиримыми по вопросу о соглашениях с ними **как с партийными людьми**.

Полная терпимость к людям, к какой бы партии они ни принадлежали; **полная непримиримость по отношению к программам других партий**, независимо от степени их расхождения с нашим основным принципом -- стремлением к безгосударственному социализму путем борьбы с судебно-полицейскими и военными устоями всех правительств, а также путем непосредственной организации рабочих масс в синдикатах и подготовки их к **последней** — всеобщей стачке и захвату всех накопленных веками богатств в **общую** собственность всего народа!

Таково должно быть наше отношение к партиям, борющимся рядом с нами против произвола правительства и против эксплуатации капитала. Борьба всех существующих, кроме нас, партий только менее принципиальна, чем наша, и бьет мимо цели на практике: вместо того, чтобы стараться раз навсегда упразднить государственную власть, она хочет ее облагородить, что равносильно желанию облагородить профессиональнаго палача. Но мы никогда не должны забывать ни про героизм многих из представителей других партий, ни про жестокия преследования, которым подвергает их русское правительство. Помня это, мы не будем отказываться от известнаго общественно-полезнаго дела (например, от синдикализма) только потому, что его уже делают другия партии: как будто решительно все что делают другия партии, только плохо и скверно! Помня это, мы будем меньше заниматься партийной руганью с другими партиями, чем интенсивной борьбой с нашими врагами — государством и капиталом.

VII.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.

М. Изидина.

Вопрос о всеобщей стачке, который еще так недавно обходила молчанием почти вся социалистическая литература, за исключением анархической, в последние годы выступил на первый план во всей Европе. Это случилось благодаря развитию в революционном направлении профессиональных рабочих союзов, которые теперь играют все большую роль в социалистическом движении и постепенно отодвигают на задний план парламентския социалистическия партии. На всех интернациональных и национальных конгрессах, социальдемократии приходится обсуждать этот вопрос, от котораго еще так недавно она отделывалась известной фразой: »Всеобщая стачка есть всеобщая безсмыслица«; а последний международный конгресс (амстердамский) признал, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимым орудием борьбы.

В России идея всеобщей стачки выросла с удивительной быстротой. Еще каких нибудь 5—6 лет тому назад заговорить о ней значило заговорить на каком-то чужом, непонятном ни для кого языке. Можно ли думать, говорили нам, о подобном средстве борьбы в стране, где даже самая мелкая стачка — преступление, и существующий правительственный строй делает невозможным движение, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организации, замечательнаго единства действия. На деле оказалось, однако, что как только русское рабочее движение выросло настолько, что почувствовав свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку как самое лучшее, самое верное средство борьбы. Первым крупным движением этого рода были южно-русския стачки 1903 года; затем грандиозная стачечная волна прокатилась по всей России после 9 января; наконец октябрьское движение 1905 г., приостановив экономическую жизнь столиц и оторвав Россию от всего остального мира, оказалось, по высоте революционнаго настроения и по своему могуществу, самым знаменательным из протекших до сих пор моментов русской революции. Этому движению удалось сделать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть к господствующему политическому строю, ни полувековая борьба революционеров, ни героизм террористических актов: правитель-

ство сдалось, оно оказалось безсильным перед напором всеобщей стачки. Ценны здесь для нас, конечно не сами уступки, а тот путь, которым оне были достигнуты. Специально рабочее орудие борьбы — стачка — до сих пор служившее лишь для завоевания отдельных частичных улучшений, поднялось здесь на высоту средства борьбы с целым режимом; эту борьбу целиком вынесли на себе рабочие; как рабочие, силою давления своих профессиональных организаций, они добыли свободу печати, завоевали себе захватным порядком право собраний и свободу слова и показали путь, каким придется бороться и в будущем. Всеобщая стачка и захватный порядок — два тактические приема близкие анархическому миросозерцанию — были именно в России проведены в жизнь полнее, чем где бы то ни было.

Отрицать силу и значение всеобщей стачки после такого опыта — невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, под какими лозунгами идет и может идти борьба, как организуется она, к каким результатам приводит. Социальдемократия, признав в резолюции Амстердамскаго конгресса всеобщую, или, по принятой формулировке, »массовую« стачку пригодным орудием борьбы, вместе с тем поспешила заявить, что ея »масовая стачка« не есть »всеобщая стачка« анархистов. В чем же различие, и что понимаем под всеобщей стачкой мы?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла в западной Европе в процессе рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной из главных форм протеста рабочаго класса против капиталистическаго гнета. Стачки более или менее обширныя и революционныя, велись во всех странах по различным поводам и с разными целями — экономическими и политическими, профессиональными и общими. Но одна черта об'единяла все эти движения: они сплачивали рабочих, противупоставляя их буржуазии, как одно солидарное целое, наглядно показывали деление общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитов. В этом — социалистическое значение стачечной борьбы. На ней рабочие научились сознавать свое могущество и смотреть вперед, уже не только на улучшение своего положения, но и на свое **полное освобождение**. Сорок лет тому назад, Интернационал явился выразителем этих стремлений и провозгласил два великие принципа: международную солидарность и рабочую самодеятельность. Вместе с тем сейчас же заговорили о всеобщей стачке. Вопрос был поднят сначала на Брюссельском конгрессе (1868 г.), затем более подробно разбирался на Женевском конгрессе 1873 года, уже после раскола в Ассоциации; отметим, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернационала, та, во главе которой стояла знаменитая Юрская федерация. В последующие годы, однако, мы

не видим дальнейшаго развития этой идеи, как не видим и попыток ея практическаго осуществления. Причина этого, с одной стороны — общая реакция, охватившая Европу после поражения Коммуны, с другой — то направление (тоже реакция в социализме), которое приняло рабочее движение. В предыдущие годы, целый ряд революционных движений вызвал много перемен в политическом строе европейских стран: были завоеваны, где республика, где всеобщее избирательное право, где другия политическия реформы. Среди социалистов возникло и укрепилось направление, возлагавшее на эти новыя учреждения все надежды; рабочие — как у нас теперь — еще не имели случая в них разочароваться. Принцип рабочей солидарности был забыт, а с ним была оставлена и мысль о всеобщей стачке. Парламентаризм и легальная политика надолго отвлекли внимание от чисто-рабочих способов борьбы.

О всеобщей стачке вспомнили больше 16 лет спустя, когда в 1885—87 г. г. в Америке поднялось сильное движение в пользу 8-ми часового рабочаго дня. Это было именно то движение, которое послужило началом первомайских манифестаций, и мы не можем не напомнить всем, кто теперь принимает участие в демонстрациях 1-го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повешенные в Чикаго 11 ноября 1887 г. — Вскоре мысль о всеобщей стачке перенеслась в Европу и быстро стала приобретать себе сторонников, особенно среди французских рабочих. Вместе с тем, по мере того, как над ней стали задумываться, изменился и самый взгляд на нее: из средства достижения уменьшения рабочаго времени, увеличения заработной платы и т. под., она стала в глазах рабочих, средством **полнаго освобождения** рабочаго класса.

В 1888 году во Франции происходил с'езд рабочих союзов; на нем в первый раз вопрос о всеобщей стачке был поставлен и разрешен именно в этом смысле. На следующих конгрессах, в 1892 и 1893 г. г., он снова обсуждался; прения были очень горячия, новая идея встретила сильный отпор в социальдемократических рядах. Решительным моментом был с'езд 1894 года, в Нанте: обе партии выставили самые убедительные аргументы, самых лучших своих ораторов; весь с'езд был поглощен этим вопросом. Наконец идея всеобщей стачки была окончательно признана, и с тех пор стала лозунгом французскаго рабочаго движения, основною чертою того течения, которое в последние годы приняло название »революционнаго синдикализма«.

Как всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядах наших западно-европейских товарищей ту форму, в которой мы находим ее теперь. Вопросы выяснялись

мало по малу. Много заблуждений отошло в вечность. Практика стачек, частных и общих, дала ряд указаний и помогла разрешить вопрос о том, чем может быть и как может произойти всеобщая стачка. Во первых, что такое **всеобщая** стачка? Неужели ждать, пока **все** рабочие **всей** страны бросят работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючаго материала в рабочей среде достаточно приостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общаго хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки железнодорожных и портовых рабочих и служащих; не даром правительства (во Франции, в Италии, в Голландии и т. д.) пытались и пытаются внести такие законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путем полнаго запрещения их, или путем призыва железнодорожников на военную службу в момент стачки, или путем замены стачечников солдатами. В России зверския правительственныя убийства на линиях железнодорожных дорог, карательные поезда, постоянная посылка войск на станции — лучшие свидетели панического страха внушаемаго железнодорожной стачкой. Кроме того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбежно ведет к приостановке работ в других отраслях с нею связанных и заставляет бастовать поневоле целую массу рабочих. Это — один из путей расширения стачки; другой самый существенный — вытекает из накопившагося недовольства, из заразительности примера, из духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, с какою рабочим в России удавалось во время стачки снимать работавших, закрывать фабрики и мастерския и в несколько часов остановить жизнь любого промышленнаго центра, служат лучшим доказательством того, что для успеха стачки вовсе не нужно, чтобы к движению **заранее** примкнули все рабочие.

Вопрос о предварительной организации всеобщей стачки, об управлении ею, о декретировании ея в определенный момент, — тоже один из важнейших, в практическом отношении вопросов. Относительно его существует, в России в особенности, много заблуждений и предразсудков; Россия еще имеет мало опыта в **массовых** революционных движениях и русские деятели склонны придавать преувеличенное значение решениям тех или иных партийных организаций, забывая, что жизнь партии и жизнь массового движения следуют совершенно различным законам. Вот почему стачки декретированныя никогда не удавались, а те которые возникали стихийно, принимали неожиданно широкие размеры и разросталиcь в грандиозныя революционныя движения. В самом деле, как развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинают бастовать по какому нибудь поводу рабочие одного завода или одной мастерской; затем, если настроение

боевое, их требования поддерживают рабочие других заводов, попутно выставляя и свои. Стачка разростается, питаясь сопротивлением хозяев и начинающимися правительственными репрессиями. Начинаются собрания, демонстрации, возникают »стачки из солидарности« в других отраслях. Если движение идет достаточно быстро и под'ем духа силен, рабочие закрывают все, что еще работает, стачка становится всеобщей. В этот момент город — а иногда и целый ряд городов — фактически во власти рабочих. Это — самый решительный, самый критический момент движения; от него зависит вся судьба его. И вот во взгляде на этот-то момент мы решительнее всего и расходимся с социалистами государственниками всех фракций.

Самый важный вопрос в это время: останется ли всеобщая стачка мирной: »стачкой со сложенными руками«, или же станет революционной, перейдет в наступление? Мы отвечаем: чтобы движение быстро не пошло на убыль, этот второй шаг необходим. Наш ответ вполне сходится с тем, какой дают французские рабочие, лучше всех других разработавшие вопрос о возможном характере и исходе всеобщей стачки. Вот что говорится, например, в одной брошюре Пеллутье*), одного из самых видных деятелей рабочих союзов во Франции: »Всеобщая стачка не будет движением мирным, потому что если бы даже такое движение было возможно, оно не привело бы ни к чему. Если говорить о том, у кого будет больше средств, то преимущество всегда останется на стороне богатых; победить деньги может только сила. Иногда говорят, что рабочие могут сделать себе запасы заранее; но ведь буржуазия может сделать это еще легче! Допустим, однако, что с обеих сторон окажется одинаковое количество запасов. Ну, а когда они выйдут, что тогда? Представьте себе такую сцену: с одной стороны — буржуа, с другой — рабочие, все — голодные, а между ними в бездействии, все средства производства, т. е. путь к тому, чтобы утолить свой голод . . . Допустим даже, что буржуа уступят первые. Чего же потребуют от них рабочие? Полнаго отречения? Тогда, раз уж погибать, буржуа предпочтут попытать счастья в борьбе, и всеобщая стачка превратится в революцию. Но возможно, что рабочие потребуют, только некоторых уступок . . . но тогда через несколько лет, та же история возобновится: Нет, я говорю прямо, что всеобщая стачка, это — революция«.

Брошюра Пеллутье была написана лет 8—9 тому назад, и вот что говорилось в 1900 году на с'езде французских рабочих организаций в Париже: »Если вы стремитесь ко всеобщей стачке, говорит один делегат, вы должны подумать о том, что последует

*) "Qu'est ce que la Greve Generale".

за нею, о роли рабочих после победы. Нужно например, чтобы булочники знали, сколько хлеба нужно напечь для данной местности, какими средствами они для этого располагают и т. д.« »Когда мы провозгласим всеобщую стачку, говорит другой, мы должны будем иметь смелость сделать ее революционной . . . Она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства«. Третий об'ясняет: »Если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства, чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно. Нужно, поэтому, чтобы всеобщая стачка приняла революционный характер; к этому ее приведут, впрочем, сами события«. Тот же взгляд проводится и в ряде статей о всеобщей стачке помещенных в сборнике »Всеобщая стачка и социализм«, изданном года полтора тому назад Лагарделем*). Перед Амстердамским конгрессом редакция журнала »*Mouvement Socialiste*«, издаваемаго им, разослала видным деятелям социализма и рабочаго движения ряд вопросов относительно их понимания всеобщей стачки. Ответы социальдемократов выражают, или совершенно отрицательное отношение к ней, или крайне с'уживают ея задачу; ответ представителей рабочих организаций, особенно французских, носят обратный характер. Вот, между прочим, что говорит Гриффюэль, секретарь французской Всеобщей Конфедерации Труда: »Всеобщая стачка, в ея современном виде, не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение всем общественным богатством, которое будет затем эксплуатироваться корпорациями, в частности синдикатами, в пользу всех . . .«

Такое понимание всеобщей стачки есть и наше понимание. Оно естественно вытекает из нашей основной точки зрения непосредственной **экономической** революции, непосредственнаго захвата рабочими всех орудий труда и наличных богатств, — и тесно связано с нею. Вот почему этот взгляд никогда не будет разделяться теми социалистическими партиями, которыя идут к социализму через захват власти, и почему между социальдемократическим пониманием всеобщей стачки и нашим всегда будет целая пропасть.

Итак, **для нас**, всеобщая стачка — разростающаяся сама собою, стихийно, благодаря боевому настроению рабочей среды, а не декретированная каким нибудь центральным органом — первый шаг революции, шаг, который должен дезорганизовать буржуазныя и государственныя силы и крайне затруднить для них борьбу. За этим шагом должен последовать второй — **экспроприация**. Всеобщая стачка, в наших глазах, — слишком могучее

*) "La Greve Generale et le Socialisme".

средство для достижения политических реформ или частичных улучшений. Когда, хоть на один день, рабочие становятся господами положения, не воспользоваться этим для решительнаго боя и для решительной победы мы считаем положительно преступным. Пора уже, чтобы рабочия силы и рабочая кровь перестали тратиться даром.